

В В Е Д Е Н И Е.

Мой аналитический очерк берется за основу широкой дискуссии среди инакомыслящих, так как пришло время всесторонне пересмотреть опыт предыдущего десятилетия.

Каждый инакомыслящий должен подумать о судьбе своей и тех, кто ему небезразличен, определить позицию на будущее, попытаться найти смысл жизни, который бы согласовывался со взглядами на жизнь других на основе взаимопонимания, доброты, гуманизма, демократии.

В очерке я открыто определил свои взгляды и позицию. Это в какой-то степени ответ тем, кто пытается извратить понятия справедливости, принципиальности, демократии, достойного, с моральной и политической точек зрения, поведения.

Это ответ и тем, кто пытается инсинуировать, подделываться под меня, распространяя разного рода писма по Москве, к примеру, за подписью некоего псевдонима А. Твердова, которые подбрасывались, в частности, в мой квартирный почтовый ящик.

В. Новосельцев.

г. Москва,

историк - филолог
Новосельцев Валентин
Клавдиянович.

г. Москва,

академик
Сахаров Андрей
Дмитриевич.

НОВОСЕЛЬЦЕВ ПРОТИВ САХАРОВА

или

САХАРОВЩИНЫ.

г. Москва

1980

ЧАСТЬ - I.

МАЛЕНЬКИЕ ЯКОБИНЦЫ И БОЛЬШОЙ КАЛЬВИН.

Семнадцать лет тому назад в далекой Сибири, в Кемеровском педагогическом институте происходили непредвиденные события. В 1962 году на стене одного из коридоров института появилась неофициальная газета под заголовком "Странца из несуществующего дневника". В газете был помещен ряд статей, осуждающих культ Сталина. Это событие привело к открытому диспуту в актовом зале института, где одним из выступавших был студент Валентин Новосельцев. При большом скоплении студентов и преподавателей Новосельцев выступил с речью, обосновывая актуальность тезисов: свобода слова, свобода печати, свобода критики.

Много времени прошло с тех пор, много было пережито и выстрадано. Но желание найти смысл жизни оставалось. Оно определило и появление "маленьких якобинцев", как напоминание о по сути забытых народовольцах. Маленькие якобинцы были одни из немногих, в чем-то наивные, в чем-то несчастные и в чем-то счастливые. Они шли из разных уголков страны и исчезали в квадратах ИТК.

В 1967 г., будучи преподавателем, Новосельцев за распространение листовок /ст. 70, ч. 1/ был отправлен органами госбезопасности в один из таких квадратов. Туда со всех сторон сводились якобинцы, путь которых был предопределен. История очередной раз надсмеялась над человеческой неподственностью.

"Якобинцы", или инакомыслящие, как социальная группа, не представляли собой однородную массу. В нее входили рабочие, служащие, интеллигенты и даже представители советского административного аппарата. Психология и мировоззрение инакомыслящих также не были единообразны. Не были одинаковы и пути формирования политического сознания.

С одной стороны, сказалось долголетнее воспитание на революционных традициях прошлого века и на опыте совершенных в России революций. В школах и вузах молодых людей знакомили с методами осуществления революции, которые как правило начинались с пропаганды идей, создания организации и борьбы за массы. Подобный стандарт настолько прочно утвердился в сознании у части инакомыслящих за годы воспитания, что они не могли представить себе иного пути. Они шли в одиночку и создавали организации, пропагандировали идеи, впадая в политическую ошибку, копируя прошлый век.

Но массы остались в стороне, а маленькие якобинцы в одиночестве. Разве они знали, что рабочих не поднять на революцию? Разве они знали, что научно-технический прогресс своим бурным, интенсивным развитием держит общество в могучих тисках, так что рабочие больше не представляют собой одно целое ни по способу производства, ни с точки зрения материального вознаграждения?

С развитием НТР рабочий класс дифференцировался на многочисленные группы, начиная с низкооплачиваемого слоя разнорабочих и кончая привилегированными "героями социалистического труда". Неквалифицированный рабочий и рабочий, частично выполняющий функции инженера, как того требует производство, уже не были едины в понимании текущих процессов и идеала личной и общественной жизни. Чувство солидарности полуголодных пролетариев 19 века сменилось частнособственническим индивидуализмом.

Маленькие якобинцы не были революционерами в традиционном смысле этого слова, но они явились представителями от разных слоев населения, по которым можно было судить о неблагополучном состоянии общества. На этом уровне маленьких якобинцев составили новую собирательную социальную группу. Момент оппозиционности объединял их в какой-то степени, оплачивая и заставляя держаться друг друга. Но постепенно в среде инакомыслящих начали действовать силы внутреннего противоборства.

Инакомыслящие появлялись не только снизу, но притекали и из верхних слоев общества, в первую очередь из среды интеллигенции, и даже из привилегированного разряда советской администрации. Советская интеллигенция так же, как и рабочие, являет собой сложную социальную структуру. Вопросы, имеющие отношение к проблеме советской интеллигенции, не получили достаточного развития, так как понимание этой проблемы усложнено влиянием сопутствующих процессов, наложивших определенный отпечаток на рассматриваемое явление.

К числу этих процессов можно отнести превращение науки в непосредственную производительную силу, что вызвало изменение соотношения между умственным и физическим трудом, создало различные градации в уровне общественного сознания. Неоднородность сознания и многообразие переходных форм его связаны с изменением роли интеллигенции в системе общественного производства, в котором она выступает в качестве продавца созданного ею продукта.

Большая часть "продавцов"-интеллигентов регламентировалась духовно и материально. А меньшая часть получала баснословные материальные вознаграждения и иммунитет "свободного" профессионального творчества.

Так, с одной стороны, интеллигенция вбирает в себя разряд "свободных художников", с другой стороны, регламентируемых работников. Это положение создавало разный уровень сознания и психологии интеллигента.

С одной стороны, возникло типичное для интеллигенции чувство элитарной исключительности, иногда бросавшее интеллигента "во имя правды" на баррикаду, но чаще делавшее его далеким от народа, идущим в услужение к верховной власти и даже на защиту существующей системы и общественных отношений, молчаливо принимая сложившийся порядок вещей. Вторжение науки в промышленное производство расширило участие интеллигенции в сфере обслуживания и привело к созданию многообразной "индустрии культуры" /реклама и информация, пресса, кино, радио и телевидение, "массовая" литература и "массовая" живопись/.

Массоидация интеллигентии и превращение ее в разраставшуюся группу изменили и психологию интеллигента, все более отличая его от традиционного понятия элитарного индивидуалиста, и обусловили внутреннюю дифференциацию этой группы. Одна часть ее вливается в ряды государственной правящей касты, другая, большая часть вовлекается в сферу производства, но живет значительно хуже упомянутой меньшей части, а также рабочей аристократии. Третья, самая многочисленная категория интеллигентов выполняет примитивные обслуживающие функции технических и конторских работников, приближаясь по положению к среднеоплачиваемым рабочим.

Поэтому политическое сознание и социальная психология этих групп различны, хотя есть и общие элементы, такие, скажем, как лишение права самостоятельно распоряжаться собственной деятельностью. Таким образом, наблюдается расслоение внутри интеллигенции и отрыв самой группы в целом от остальной части общества.

Все это неизбежно обусловило противоречивость социального поведения интеллигенции. С некоторого пор наметившийся процесс раскрепощения творческой индивидуальности постепенно перерос в свою противоположность — персонализм. Ощущение избранности, личной причастности к прогрессу культуры, неизбежная разобщенность и боязнь ее приводят интеллигенцию к выдвижению из своей среды кумиров, "полубогов", к политической мистификации и волонтаристскому переосмыслению реального мира.

Власть, со своей стороны, поощряет писателей, художников, научных работников, которые укрепляют и воспевают ее, проповедуют ее мораль. Корни интеллигентского инакомыслия неотрывны от конкретно исторической среды, в которой оно возникает. Желание дать своим действиям интеллектуальное и моральное оправдание сделало некоторых интеллигентов идейными приверженцами демократии, хотя эта идентичность не идет дальше демократической фразеологии из старого энциклопедического словаря.

Часть интеллигенции, ощущив, в силу сложившихся условий, потребность в героическом страдании, но так и не найдя цель в жизни, пережила подмену демократического духа на неуемную гордыню, не терпящую чужого мнения. Эти интеллигенты уподобились святым, погибающим из-за тщеславия фарiseев.

Отказ от ценностей, которые предлагала им официальная идеология, еще не гарантировал качество самостоятельного политического сознания. Самовыражение, абы как, да "по-своему", стало в среде интеллигенции основной формой инакомыслия. Большая часть представителей интеллигенции, не признавая организационные формы и политическую дисциплину, скатились в конечном счете к семейному бунту, став оппозиционерами в себе, постепенно теряя регулятор общественной чувствительности.

Особенно это характеризует диссидентов из высшего слоя общества, таких как академик Сахаров. Сахаров, как представитель научной элиты, является примером того, что привилегированная каста не только разбухает, но и расслаивается внутри. Переход Сахарова в оппозицию можно рассматривать с разных точек зрения. Уместно напомнить, как особенность современного советского общества, что бюрократия не только сохраняет свою корпоративную сущность, необходимую для удержания власти, но приобретает новые разновидности. Внедрение Сахарова в инакомыслие – это прежде всего проникновение характерных качеств советской бюрократии в измененной форме.

Боязнь всяких заговоров и в то же время "неприятие" бюрократии обирается борьбой против дисциплины и организованности вообще, т.е. по существу против культуры и рационального начала. Такое хаотичное движение никогда не приводило и не приведет к "гуманизации" и "дебюрократизации" общества. Это лишь проблематичный путь к замене обднх бюрократических форм другими. Таким образом, переориентация демократического движения в антибюрократическое, как у Сахарова, напоминает опыт китайской "культурной революции", которая не привела и не могла привести к дебюрократизации страны.

Лишь цельное изменение культуры и качества общественной и индивидуальной жизни человека приведет к изменению политической структуры. Но по Сахарову это не получится, даже в отношении его лично, ибо он уверовал что обладает истиной, отклоняя всякую критику в свой адрес. Его горе-соратники, скатившиеся до уровня застольных говорунов и политических лакеев, образовали в среде инакомыслящих группу вульгаризаторов и подпевал – сахаровщину.

Сахаровщина, с точки зрения общественного идеала, напоминает, пожалуй, республику Платона – народ, "осчастливленный" сверху группой философов-просветителей. Если бы у Сахарова восторжествовал подобный эксперимент, это означало бы создание не демократии, а новой формы насилия, с учетом достижений научно-технического прогресса.

Сахаровщина, как некогда в 1904 году зубатовщина, имеет свои исторические корни и динамику возникновения, а затем постепенного отчуждения от народа. Отчуждение сахаровщины даже от основной части инакомыслящих не было неожиданным явлением для тех, кто внимательно изучал и анализировал методы "оппозиционной борьбы", практикуемые этой группой. С некоторых пор Сахаров почувствовал себя великим реформатором – современный "большой Кальвин".

Появление большого Кальвина низвело других инакомыслящих до уровня "маленьких якобинцев", как бы поляризовало инакомыслие в целом. По одну сторону стала доминировать сахаровщина, с другой стороны оказались все остальные. С точки зрения сахаровщины, слово народ имеет позитивное значение применительно к нему, Сахарову, или его приближенным. Получается, что Сахаров желает быть вместе с народом, но чтобы народ не смешивали со сородом.

А сбродом он считает всех, кто выступает вразрез с его мировоззрением. Как говорил некогда Плутарх: "Усвоив пороки моего сословия, я не мог полностью усвоить его наклонности". Так и Сахаров, не усвоив полностью наклонности высшего бюрократического слоя, именно это возвел себе в заслугу и даже в качестве революционности. Компенсировав одни привилегии иными, он впоследствии противопоставил себя другим инакомыслящим.

Приводим выдержку из открытого письма бывшего политзаключенного Владимира Поташова /г.Омск, ул.Краснофлотская, 17/ к Сахарову: "Мы просто были политзаключенными и доказывали это каждый день, годами. Мы просто боролись за свои права, за права Человека, не задумываясь, кому именно это надо. Мы просто голодовали, шли в ПИЗО и ПКТ и тюрьмы, не имея для себя никаких выгод.

Мы просто теряли здоровье, а некоторые и жизни, на все лишения шли лишь с одной бескорыстной целью: защиты прав Человека.

И вручение Вам, Андрей Дмитриевич, Нобелевской премии мира - это оценка всей многоликой, тяжкой и опасной борьбы политзаключенных за права Человека, а не только оценка Вашей личной позиции".

Политическая дискриминация рядовых инакомыслящих со стороны Сахарова и сахаровщины привела к дисперсному, то есть раздробленному состоянию инакомыслия и даже утрате некоторыми моральных качеств. Эта дискриминация закрыла возможность дискуссии. Дискуссия, как известно, один из ведущих элементов демократии. Свободный обмен мнениями стал невозможен, инакомыслие в целом потеряло свое политическое лицо.

В результате почти исчез самиздат, и даже журналы, выпускаемые прежде, хотя и на низком профессиональном уровне, прекратили свое существование. Многие инакомыслящие, не находя выхода, забросили самообразование, в том числе и политическое. Дилетантизм и пустое зускачество стали прискорбными распространенными способами самовыражения и самоутверждения.

Тому пример - появление журнала с весьма многообещающим названием "Поиски". Авторы этого журнала в какой-то степени почувствовали размежевание в рядах инакомыслящих и попытались подправить сахаровщину. Но, переняв сахаровские методы, они, как говорится, с чем боролись, на то и напоролись. В результате тот же низкопрофессиональный уровень, в частности политический, свидетельствует о том, что не все сотрудники редакции - люди достаточно убежденные, и главное, достаточно талантливые. Для того, чтобы интерпретировать ту или иную теорию, чужое политическое направление, нужно, как минимум, иметь собственное и оставивать его с уверенностью, откристаллизованной и аргументированной. У журнала дискуссии не получилось, некие обрезки мыслей - не "Поиски", а "Пояски".

ЧАСТЬ 2.

Во время беседы Новосельцева с членом редколлегии этого журнала П. Егидесом был затронут вопрос о сахаровщинах. П. Егидес с грустью констатировал: "Да, мы дали им /сахаровцам/ слишком большую власть. Что мы можем сделать? Так сложилась конъюнктура". Тогда зачем искать и что? Искать даже благородную тень отца Гамлета - дело безнадежное и бесперспективное.

Таким образом, двойственное понимание демократии среди инакомыслящих предопределено и двойственное отношение к ней, так как не всех устраивает демократия по-сахаровски. Сахаровщина - худшее искажение этого понятия. Претензии Сахарова на роль "Отца русской демократии" и великого пресветителя остаются борьбой, в первую очередь, за личный престиж.

Отметим, что история "великих просветителей" в некоторых аспектах повторяется. Не всегда они оказались на высоте нравственных требований по отношению к народу, а также единомышленниками и друзьями.

Например, знаменитый Сперанский, состоявший в личной дружбе с декабристом Батенковым, после поражения 1825 года не только выдал последнего, но и содействовал тому, чтобы Батенкова упрятали в Петропавловку и на 9 лет изолировали как душевнобольного, с последующим отбыванием 11 лет на сибирской каторге.

Известно, что Лютер громил в своих проповедях мятежных крестьян, поднявшихся за его дело, за проведение Реформации, а Бальтер писал тайные доносы, дабы королевские войска разбили движение благородного разбойника Мандрена и его сестри, за которыми шел народ. Великий Исаак Руссо, убежденный демократ, был тем не менее человеком суеверным: он тщательно скрывал свое плебейское происхождение, фактически отрекаясь от родного отца Исаака Руссо. "Не сотвори себе кумира" - гласит христианская заповедь, но люди, с неизжитой привычкой возвеличивать личность в истории, поступают вопреки этому завету.

ЧАСТЬ 2.

БОРЬБА ЗА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СВОБОДУ
ИЛИ ЗА ПОЛИТИЧЕСКУЮ РАСПУШЕННОСТЬ.

В этой главе рассмотрим механизм появления сахаровщины в среде инакомыслящих.

Инакомысление в целом, какими бы путями оно ни формировалось в советской среде, оказалось по одну сторону барьера, противоположную официальной идеологии. Но верно и то, что сами инакомыслящие, уже по отношению друг к другу, находятся за разными внутренними оградами.

Инакомыслящие, которые имели тот или иной политический опыт, после выхода из лагерей оказались либо на окраинах России, либо эмигрировали за границу. Их влияние в культурных центрах практически не осуществлялось, т.е. отсутствовал важный элемент – политическая преемственность.

Отряд инакомыслящих частично пополнялся писателями и художниками, желающими свободы самовыражения, свободы творчества, без политической платформы. Это, так сказать, традиционное интеллигентское инакомысление, переходящее от эпохи к эпохе, от века к веку.

С другой стороны, в отряд инакомыслящих входили деятели науки и культуры, т.е. люди со специальными позициями в различных профессиональных областях, знающие себе цену и претендующие быть первыми не только в области науки, но и в политике, хотя их научная компетенция не всегда соответствовала политической.

И в-третьих, отряд инакомыслящих рос за счет разночинной интеллигенции, людей, не занимающих ответственных постов ни в науке, ни в административном аппарате. Наиболее интенсивным репрессиям подвергался последний отряд. Он был и самым многочисленным, особенно в сравнении с художниками и писателями – людьми свободных профессий, которых их положение также не гарантировало от преследований. Менее уязвимыми оказались высокопоставленные учёные, типаж академика Сахарова, выступающие по отношению к советской администрации в роли блудных сынов.

Даже будучи инакомыслящими, для власти они все еще оставались своими, из своего круга, сохраняя некоторые привилегии и статус неприкосновенности. Вокруг них группировались члены семей, родственники, друзья. Их вполне устраивало подобное положение. О них говорит зарубежная пресса и радио, к ним заходят иностранные корреспонденты на частные "пресс-конференции". Постепенно личные амбиции стали выдаваться за общественное мнение, именоваться борьбой за права человека.

Некоторые писатели и художники, разругавшись с официальной администрацией, о чём шла речь выше, оказались в сложном положении. Раскаяться и вернуться под покровительство власти им не позволяла совесть и гордость. Но провозгласить какую-либо самостоятельную политическую платформу было не по силам и боязно. Тут-то для них стал пригодным третий путь, менее обязывающий — примкнуть к Сахарову и его друзьям. Сахарову, с его стороны, это было выгодно и лестно. Он принимал в свой круг очредное имя, о котором говорили до него, а далее будут говорить при его участии. Быстро заполучить информацию, а придать ей политический характер — дело несложных манипуляций.

Представители их отряда разночинной интеллигенции для Сахарова не имели ценности /там не было громких имен/, а политическая смелость некоторых даже отпугивала. Несмотря на столь сложные взаимоотношения, Сахаров приближал некоторых из них к себе, преследуя прежде всего цель получать нужную информацию с низов. Эти приближенные в среде сахаровцев исполняли роль курьеров и даже лакеев. Они не имели собственного политического мышления, либо не высказывали своих мнений, угодливо принимая диктуемый им образ жизни и оценок, взирая на Сахарова, как на оракула, получая за такое приспособленчество радужный прием в сахаровской квартире — штабе "демократического преобразования России".

Однако политические претензии Сахарова не разделялись безоговорочно известными писателями, примкнувшими к сахаровщине. Это заставляло Сахарова держаться с ними на равных, в чем-то соглашаться. Только позиция "отца русской демократии" могла устроить Сахарова, и, как показала практика, это дало известные результаты.

О бахарове заговорили на Западе. Не исключено, что какая-то часть зарубежных политических деятелей ориентировалась на его авторитет как истинного борца за права человека в СССР, подразумевая, что вокруг Сахарова сплотятся все оппозиционные силы. Но большинству западных политиков было выгодно, ссылаясь на академика Сахарова, уцелеть противоположную сторону в нарушении прав человека. В этом свете, академик Сахаров выступает в качестве международной политической фиги, которую одно правительство показывает другому при взаимных разоблачениях.

Но даже такое положение, когда борьба за права человека имеет лишь символическое значение, по мнению западных политиков, следовало застолбить. И вот Сахаров стал лауреатом Нобелевской премии мира. Теперь-то правительство не рискует расправиться с Сахаровым, боясь мирового общественного мнения, международного скандала.

Все более заботясь о международной престижности своей имени, Сахаров необратимо отдался от основной массы информаторов, которых он рассматривал лишь как исходное сырье для поддержания собственной политической карьеры. Вся технология сбора и обработки информации была приспособлена для него и его друзей.

Выпячивалось несколько имен из окружения Сахарова, которые возводились в ранг великих мучеников и геров. Превозношение их геройства без чувства меры шло в ущерб тем инакомыслящим, которые действительно страдали, но о них умалчивалось. Сахаров, уже не стесняясь, мог себе позволить одних принимать, другим отказывать, третьих вообще не замечать. Еще бы, ему стало казаться, что политическая ось событий проходит именно через его квартиру.

Отношения среди инакомыслящих постепенно начали изменяться, не в лучшую, а в худшую сторону. Одни из них разуверились в политической борьбе, глядя на "деятельность" Сахарова и его друзей, вторые перегулялись между собой, третий пристроились к сахаровщине в качестве придворных лакеев, четвертые опустились до уровня политических кликуш. Разложение и размежевание шло по всем швам, в том числе и идейным. Еще бы: циничный антидемократизм сахаровщины в среде инакомыслия не мог дать других плодов.

Постепенно сахаровщина все более и более сужалась, пока не приобрела черты рыцарского ордена, оппозиционности которого преобразовалась в социальные турниры, сами рыцари в игроков. Сахаровщина — это часть оппозиции, чей дух беспокойства о судьбах демократии не поднялся выше порога того или иного разрекламированного "вождя" народа.

Сам же Сахаров не смог проникнуть в область политического мышления. Для него это оказалось сложнее, чем теория ядерных реакций. У него, как у привилегированного ученого патриотический идеал когда-то отходил с идеалом свободы. Впоследствии Сахаров все меньше выступал с программными заявлениями, но и прежде и теперь ограничивался безобидным абстрактным говорением о демократии, которое мало кого к чему обязывает, зато создает шум.

В этом свете Сахарову следовало бы знать, что политика подчиняется не тем же самим законам, каким, скажем, обувная промышленность. Политические закономерности формируются не только из общественных отношений, но и из отношений отдельных индивидов, принадлежащих к тем или иным социальным группам. Сахаров смотрит на общество односторонне, он видит лишь привилегированную его часть и в какой-то степени выражает ее интересы. Но он совсем не сторонник идей поднимать сапожников и кухаркиных сынов до уровня канцлеров.

Сахаровщина претендует не много, не мало, как на гуманизацию государственной системы, для чего следовало бы пристроить к ней несколько институтов с непременным приложением демократических форм их организации и воздействия на общество. В этом видится заманчивая "пластичность", которой расширяются возможности для свободного творчества индивида.

История помнить немало разного рода хитростей, вроде паллиативных реформ без разрушения основ. Зубатовщина в России была именно такой хитростью, попыткой "Известий" общество исподволь в "новое" русло, к чему стремится ныне сахаровщина. Два явления — зубатовщина и сахаровщина — не только подобны, они проникнуты сходным желанием направит-

народ без революции и личного риска для идеологов "в пр
красный новый мир", в который сами радетели въедут только на белом коне. Пока же они предпочитают ехать на спинах политзаключенных и других рядовых инакомыслящих.

Как показывает история, новая ступень в развитии общества создает новые качественные предпосылки, материальные и духовные, которые могут иметь как положительные, так и отрицательные ~~истории~~ следствия. Именно это мы видим на примере сахаровщины. Оппозиция, инакомысление в целом - это новая ступень в развитии общества, явление положительное, в то время как сахаровщина не только увела движение в сторону, но и создала условия для его поражения.

"Политический" философ Сахаров не желает замечать двойственный характер противоречий. В какой-то степени он отмечает противоречия в государственной системе, так сказать, в чужом глазу. Это значит - смотреть "широко". Но противоречия внутри оппозиции он признавать не хочет, а если кто-нибудь ему на них указывает, считает это кознями "агентов". Он давно привык рассматривать политику приватно, его дело - указывать перстом, куда надо бы двигаться массам и где находится "прекрасный новый мир".

Такое положение вещей идейно опустошило сахаровское окружение, где каждый в отдельности перестал видеть в себе личность с собственным внутренним миром, взглядами, поисками, радостью и страданиями. Каждый из них уподобился вобле, которая если что-нибудь значит, так только "в куче". Трудно ожидать от подобной почвенной неровности чего-нибудь путного, разве что кто-то об нее споткнется.

Сахаровщина, хоть это и великое недоразумение, все же и в таком виде "противостоит" правительству. Что служит импульсом протеста? Может, нравственное негодование? Но чем тогда объяснить многочисленные персональные отказы Сахарова в помощи инакомыслящим и даже бывшим политзаключенным? Это, к примеру, 1/Зиновьев /г.Новосибирск/, 2/В. Спиненко /г.Макеевка/, 3/В.Поташов /г.Омск/, 4/В.Новосельцев /г.Москва/, 5/Н.Иванов /г.Александров/, 6/Ф.Клименко /г.Днепропетровск/, 7/В.Куриленков /г.Ленинск-Кузнецкий/, 8/Михаил Луц/Днепропетровск/, 9/В.Сквирский/Москва/, 10/А.Поздняков /Москва/.

Нет, нравственность здесь ни при чем. Тогда, может быть, порыв души к разносторонней деятельности, инстинкт самосохранения перед возможной будущей деградацией одномерного человека? Может, вследствие особой душевной тонкости Сахаров берет ~~на~~ охотно "на подножку" того или иного знаменитого ученого или писателя, но не в силах преодолеть бессознательную неприязнь к "Захаркам" и "Гришкам"? И это не то.

Просто Сахаров - человек, приспособляющийся на основе политического отбора.

Генетическая предрасположенность тут ни при чем. Страх демократа-пессимиста - вот что вызывает у него протест, служит импульсом к фрондерству. А остальные сахаровцы - это декоративное обрамление "оппозиционной" деятельности и "бунта" большого Кельвина.

Исторические корни сахаровцев уходят в глубь шестидесятых годов. Еще когда В. Бовосельцев находился с 1968 г. в Дубровлаге Мордовской АССР, на лагпунктах №11 и 19, было видно, как зарождалось неравенство среди заключенных, признаки пренебрежения, разделение на интеллектуалов и провинциалов. Существовала даже в некотором роде материальная зависимость. Это происходило потому, что у политзаключенных из Москвы и Ленинграда родители и родственники умели пользоваться известностью, которую приобретали дела их близких, законодательством и своим, иногда высоким служебным положением. Так получалось, что политические задачи отодвигались на второй план, а на первый - уметь жить, даже находясь в лагере.

То же повторилось затем и после выхода на свободу. Постепенно среди этих людей возникла круговая порука. Так подспудно готовилась среда, в которую позже вошел Сахаров. Сахаров не мог разобраться в мотивах, руководивших "оппозионерами", ни в сути их "оппозиционности". Он принял положение вещей, каково оно есть, как верующий слово Божие, не подвергая сомнению. Это личный раз подтверждает, что нельзя назвать всесторонне образованным человека, который даже при отличном знании физики и математики столь беспомощен в политике и психологии.

Сахаровцы с гордостью, как небывалую гражданскую доблесть расценивают свои умеренные высказывания о демократии, а в своих поступках усматривают исторический "подвиг". Преувеличение собственных деяний, главное, возможность такого превознесения, обладание трибуной создало ряд рекламных "имен". Так с гражданской оппозиционностью начала соседствовать политическая коммерция. Инакомыслие, для которых главной задачей была, действительно, демократизация страны, уперлись в туники охранных отделений и, не видя выхода, эмигрировали на Запад либо уехали на окраины по своей и не по своей воле. В центре остались политические коммерсанты, умеющие лавировать, чтобы заручиться относительной безопасностью.

Спустя пять лет после процесса Синявского и Даниэля началась новая эпоха в инакомыслии - эпоха сахаровцев. Кровиницы тут уже в расчет не принимались, сахаровщина пополнялась через естественный отбор представителями интеллигенции с культурными и научными ямочками. Главное, теперь появился лидер. Те, кто до Сахарова в какой-то степени замещали эту вакансию, походили скорее на политических прописеров с демократическими погремушками. Начиная с 1970 г. демократическое оппозиционное движение, можно сказать, раскололось на два лагеря: "великие" столичные "борцы" и все остальные.

Поскольку количество всех остальных было больше, "верные борцы" сконструировали перекидной мостик - для связи с массами". Тех, кто хвалил "борцов" и подпевал им, они после определенного карантина принимали в свои "стройные ряды", препроводив по зыбкому мостику. Так совершился эксперимент, в результате которого на арену общественной жизни вышел картель привилегированных. Все они придерживались умеренных взглядов и решительно отталкивали от себя радикально-демократические течения. Политика таким образом стала предметом идеологического торга, а нравственность утонула в "красивых пошлостях света".

Инакомыслящие столкнулись в лице сахаровщины с нежеланием и противодействием созданию обединенной платформы оппозиции. Борьба сахаровщины за демократию обернулась борьбой против демократии. Вот почему в среде инакомыслящих не вызрела дискуссия. Самиздатская диссидентская литература носила в основном не теоретический, а фактографический разоблачительный или характер. Амбиции случайных "теоретиков" и "войдей" не обеспечивали ни глубину мыслей, ни широту обобщений, ни политическую остроту, ни литературное мастерство диссидентской публицистики и беллетристики. Только в ходе дискуссии могли бы сложиться новые духовные ценности. Сахаровщина, пользуясь своим положением, монополизировала область самиздата. Поверхностный и субъективный характер отличает и ряд работ, издаваемых за рубежом теми же авторами или с тех же позиций.

Единственная работа за последние 5 лет, заслуживающая внимания с нашей точки зрения, - это статья Солженицына об интеллигенции в сборнике "Из-под глыб". Солженицын, еще будучи в России, одним из первых увидел то, что другие просмотрели. Он четко выявил негативные стороны интеллигентии вообще, инакомыслящей в частности. Он подметил тенденцию морального и умственного разложения, что впоследствии продемонстрировала сахаровщина. Солженицын дал интеллигенции пощечину.

В связи с этим вспоминается факт обсуждения упомянутой статьи в доме Ю.Закс-Твердохлебовой, где Новосельцев, приезжавший тогда в Москву лишь на краткое время, часто оставлялся. Юля Закс, выражая, видимо, не только свое, но сложившееся в кругу, к которому она принадлежала, мнение, заявила: "Солженицын - художник, а не политик и многого не понимает в интеллигенции". При этом она выразительно морщилась, чем красноречивее слов хотелала передать свое неудовольствие.

Если бы автором подобной статьи оказался не Солженицын его непременно провозгласили бы агентом госбезопасности. Сахаровцы не могли позволить себе выпад в отношении его, какой они, не задумываясь, применили бы к другим. Они сделали вид, что не замечают статьи, дескать и Солженицыну свойственно ошибаться.

Сейчас Юлия Закс находится в США и, надо думать, пользуется вместе с мужем гостеприимством Солженицына на правах старинных друзей. А как же статья? Да никак. У Юлии проблемные политические материализовались в иные. Ее нынешнее присутствие в окружении Солженицына не оправдится на положении дел здесь, в России. И в США все останется по-старому. Зять Сахарова Янкелевич по-прежнему будет рекламировать перед зарубежными издательствами только Сахарова, в крайнем случае его ближайших друзей.

Сахаров монополизировал информационные каналы с помощью иностранных корреспондентов, обрабатывая их на своих "пресс-конференциях". Он убедил корреспондентов, что все, кто помимо него, Сахарова, звонит и обращается к нему, это агенты КГБ и провокаторы. Так Сахаров всякое автономное действие инакомыслящих считает непростительным осуждением.

Сахаровщина с ее так называемой "борьбой" за демократизацию переворачивает доктрины различных философско-политических школ, искающих способ "самовыражения индивида в заданной ситуации". Такой бунт бессилен, а разочарованные, усталые бунтари нередко сдаются на милость того самого "истеблишмента", который они еще вчера пытались преобразовать. После этого "борцы" со спокойной совестью уезжают в эмиграцию, надеясь там составить себе имя, как выдающиеся теоретики и знатоки России. В ожидании этого приятного события, усталые борцы живут на пособие по безработице и подкармливаются крохами со стола более удачливого нувориша из соотечественников.

Солженицын в упомянутой статье произвел серьезный социологический анализ интеллигенции, хотя и глазами художника. Интеллигенция продолжает мыслить категориями группового сознания, которое не всегда соответствует ее реальному бытию в обществе. Этот разрыв определяет противоречивость социального поведения интеллигенции и ее оппозиционной части. Пример академика Сахарова показателен в том смысле, как можно подменить борьбу за политическую свободу политической распущенностью. Безответственное поведение Сахарова и сахаровщины нанесло ощущимый удар демократической оппозиции, но и открыло глаза многим инакомыслящим. Приводим выдержку из открытого письма Сахарову историка-искусствоведа В.Куприенкова /г.Ленинск-Кузнецкий, ул.Зварыгина, 16-23/:

"Ваша позиция выглядит весьма своеобразно. Но если учесть информацию, которая вот уже в течение нескольких лет передается по радио, Ваша защита сводится к узкому кругу инакомыслящих, в основном из Вашего окружения. Все остальное принесено в жертву этому окружению... В конечном счете такая политика стала причиной раскола оппозиции, нанесла ей удар и отбросила на несколько лет назад. Отсутствие широкой солидарности и барство некоторых инакомыслящих является слабым местом молодой оппозиции в СССР. И в этом не мало Вашей вины."

ЧАСТЬ 3.

ДОМ ВЫГРАЛ 2 ФУТ ПОТЕРИЛ.

Итак, в этой работе поднят вопрос о сахаровщине; но не следует думать, что никто из инакомыслящих не замечал ранее указанного явления. Многие видели, что оппозиция, увлекаемая сахаровщиной, движется к поражению. Нужна была смелость, чтобы высказать свое мнение открыто. Ведь сахаровцы давно применяют к тем, кто в чем-либо с ними не согласен, недозволенный прием, обзывающий такого человека либо агентом госбезопасности, либо провокатором. Это делается посредством переписки, телефонных звонков или просто напечтыванием друг другу на ухо. Одним словом, сознательно дискредитируется определенный человек в глазах инакомыслящих, которые не знают истинного положения вещей. Только принципиальность и глубокое знание фактической стороны могли поколебать укоренившиеся стандарты отношений. Нужно было перекрыть унижение и оскорблении, домыслы и оговоры сахаровцев и все-таки выстоять, не поколебаться, не отступить перед неправдой.

Новосельцев прошел через эти испытания и в какой-то степени выполнил свою задачу. Его знают многие инакомыслящие и бывшие политзаключенные, они верили и помогали ему. Работа, которая перед вами, — результат в какой-то мере коллективного поиска и анализа, проведенного теми, для кого Платой друг, но истина дороже. Новосельцеву довелось лично ознакомиться с сахаровским окружением, а также посетить многих бывших политзаключенных в Ленинграде, Луге, Минске, Таллине, Перми, Омске, Свердловске, Фрунзе, Ташкенте, Молдавии, Донецке и Крыму. Разговаривать с людьми, делиться мнениями — только так можно было изучить сахаровщину со всех сторон. На это ушло несколько лет, сам Новосельцев пошатился еще одним сроком лишения свободы. Он выдержал восемь голодовок, подвергался арестам восемнадцать раз, трижды прошел этапами почти через всю Россию, побывал в четырнадцати тюрьмах и, кроме того, отбывал кратковременное заключение в четырех специприемниках. В одной лишь Москве его арестовывали пять раз. В 1978 г. его из Москвы в сопровождении сотрудников госбезопасности отправили на самолете в Кемерово.

Сахаровцы с некоторых пор увидели в Новосельцеве принципиального инакомыслящего и своего оппонента. Это насторожило их и напугало. От Новосельцева желательно было избавиться. Тогда начали муссировать разговоры о том, что Новосельцев создает нелегальную организацию. Такие разговоры специально происходили в домах, которые наверняка прослушиваются.

Таким путем госбезопасность была введена в заблуждение, и вскоре Новосельцев, как упоминалось выше, был осужден по формальному делу, а в действительности, как заявил следователь ГБ Гайдельцев, за попытку создать нелегальную организацию и созвать съезд. Сахаровцы, под ником помощи, отрядили на суд адвоката Нимиринскую из г. Ворошиловграда. Ей нужно было разведать, каково положение дел и надолго ли упрячут Новосельцева.

Адвокат Нимирина начала свою помощь с того, что по приезде в Кемерово потребовала от родителей Новосельцева 50 рублей. У матери Новосельцева таких денег не оказалось, так как она получает пенсию 26 рублей. Мать заняла у соседей и отдала Нимиринской. Не стоит говорить о разного рода странностях в поведении этого адвоката, кроме того, что в Калужской тюрьме она отказалась Новосельцеву а юридической помощи /оформить заявление на пересмотр дела/. Тогда Новосельцев был вынужден заявить Нимиринской: "Я сожалею, что вы мой адвокат". Борьба за освобождение продолжалась Новосельцевым в одиночку, голодовка за голодовкой, последняя в тридцать суток.

В 1978 году Новосельцев женился и переехал к жене в Москву. Это было трудное время. Почти восемь месяцев Новосельцев оставался без работы, иногда буквально без куска хлеба. Его жена, некогда причастная к политическому делу Бурмистровича, несколько раз теряла работу и переходила на ниже оплачиваемую, жила трудно. Друзья Новосельцева, в большинстве своем бывшие политзаключенные: Шабуров, Берсенев, Давиденко, Нагорный, Зиновьев, Куприенков, Патрин и др.- помогали, чем могли. Сахаровши, в лице Колковской, распорядительницы Русского фонда, отказали жене Новосельцева Р.Урбан в помощи под тем предлогом, что из фонда не положено давать в долг. Сахаровшина пошла на конфронтацию. Особую неприязнь питали они к бывшим политзаключенным, как своим потенциальным конкурентам в отношении политического престижа. Таким образом, борьба за права человека оказалась не более, чем клоунадой на политической арене. Уж очень ее обкорнали.

И это во время, когда каждый инакомысливший должен быть преисполнен доверия к своим единомышленникам, человечности и сострадания к тем, кому еще труднее, когда все должны быть друг другу родными братьями. Но, по закону всеобщего свинства, сахаровшина желанный демократизм трансформировалась в хвостизм, а бахаров предстает чем-то вроде русского барина.

Пройдя через государственное элитарное чистилище, Сахаров никем другим и не мог стать. Советы предоставили таким, как он, множество привилегий, в том числе возможность блестящей профессиональной карьеры. Таким образом, они взошли на вершину материального и престижного олимпа, и лишь впоследствии им стало не хватать личной свободы, а собственные проблемы модифицировались в "общественные".

Все, что можно было получить от власти, Сахаров получил: бесплатное образование, кандидатскую степень, уникальную работу в научно-исследовательском институте, трижды Герой социалистического труда и множество прочих подарков, наконец, звание академика и громадные денежные суммы. Следовательно, Сахаров неизменно служил государству, как говорят, "по заслугам каждой награжден", даже сверх всякой меры. Но баснословные средства на финансирование проблем, разрабатываемых Сахаровым, и роскоши, в которой кила алита, и он в том числе, были извлечены из крови и пота трудового народа.

Вот почему сегодня мы свидетели антагонизма между сахаровщиной и народом, сахаровщиной и большей частью инакомыслящих. В плане экономическом и социальном – роскошь одних есть причина необеспеченности других. В плане политической и психологической, честолюбие неизбежно питается представлением о правах и обязанностях, усвоенным Сахаровым по принадлежности к общественной элите.

В свете истории инакомыслия в России, эволюция Сахарова не была явлением исключительным. Он проделал тот же путь, что и некоторые выходцы из простого народа. Путь этот можно разделить на три периода. В первый /1961-65 годы/ Сахаров писал разного рода жалобы в официальные органы. Так сказать, "жалобный период". С 1965 года он от жалоб переходит к протестам. Но ни увещевания, ни протести не возымели действия. Отступать Сахарову уже не хотелось, это были бы капитуляции, да и набранные обороты подталкивали вперед, на гребень волны инакомыслия. Роль буksира, выведшего Сахарова на центральную орбиту, сыграл в его судьбе Солженицын. Так Сахаров стал оппозиционером от науки, но не смог одолеть науку политическую, а следовательно, политическую тактику. Уйдя из официальной касти, он создал другую касть, среди инакомыслящих, и в ней замкнулся. Не видя выхода ни для себя, ни для других, он проводил политику, как бог на душу положит.

Единственное, что удержало Сахарова на гребне инакомыслия, – это контакты с иностранными корреспондентами, которых сахаровцы не раз серьезно подводили, слабая ложной информацией. В частности, общеизвестный конфуз с публичным показанием Гамсахурдия, в результате которого двух американских корреспондентов предали суду за публикацию не соответствующих действительности материалов. Или некая семья Кан, судьбу которой обсуждал даже американский Конгресс: как оказать медицинскую помощь их малолетней дочери, которая будто бы находилась при смерти. Когда семья Кан эмигрировала, а девочку обследовали врачи, оказалось, что ее здоровью не угрожает серьезная опасность. После этого в американской прессе появились статьи, осуждающие тех, кто ввел в заблуждение международное общественное мнение, а "Голос Америки" даже принял извинения советскому правительству.

Оно дело, когда поднимается крик по поводу того, что кому-то в трамвае ногу отдали, и другое, когда решается судьба человека, а об этом упорно молчат. Как молчали, например, семь лет о В. Спиненко, пока тот сидел в психушке. Спиненко /Донецкая область/ — рабочий, так кому он нужен, во всяком случае, не Сахарову. Сахаров, как известно, развязал целую кампанию, чтобы его мене Боннер дали возможность оперировать глаз в Италии. Бесё шум был поднят от имени правозащитного движения в России, от имени инакомыслящих. Здесь все нужны.

Но совсем другое отношение раскрывается в цитате из письма В. Спиненко к Сахарову: "Вас столько лет просят принять участие в моей судьбе, но Вы упорно не хотите этого знать. Вам очень хочется называться ведущим правозащитником. Но я думаю, что Вы либо предали нас, либо прошли".

В связи с этим вспоминается 1976 год, когда Новосельцев, будучи на лаге, по просьбе бывшего политзаключенного С. Лахаева /г. Луга Ленинградской обл., ПМК-105/, отослав Спиненко в психушке. Новосельцев поплатился за это. Он был арестован на работе /в Научно-исследовательском институте соляной промышленности, г. Артемовск, конструкторское бюро/ и взят под стражу. После пятнадцатидневной голодовки Новосельцев был выпущен из свободу, но из конструкторского бюро его уволили "за прогул" именно этих 15 дней.

Через несколько суток после голодовки и скоропалильного увольнения, Новосельцев прибыл в Москву. Он залез к Гинзбургу, сообщил, в частности, о Спиненко. Новосельцев и сам нуждался тогда в помощи. Он попросил у А. Гинзбурга, распределителя "Русского фонда им. Солженицына", денег. Гинзбург ответил, что денег у него, к сожалению, нет. А деньги были. Сахаровчина и близкий к ней А. Гинзбург издергали по 1976 год /лето/ 305 тысяч рублей из фонда и 270 тысяч оставалось. Сам Гинзбург брал из фонда для себя ежемесячно как "профессиональный революционер" 250 рублей, плюс прочие неучтенные расходы. А Новосельцеву он отказал не потому, что показал денег, а потому, что побоялся. Вдруг Новосельцева обвинят в создании какой-нибудь нелегальной организации, а Гинзбурга притянули бы за ее финансирование. Куда проще быть революционером, сидя за хорошо сервированным столом, да еще в обществе иностранных корреспондентов. В такой обстановке приятно созидавать величие собственных помыслов и поступков.

Гинзбург с легкой руки А. Солженицына стал полно властным распределителем "Русского фонда". Бессконтрольность в распределении финансовых средств позволила ему диктовать другим свои условия и рекламировать свое имя за рубежом. Гинзбург не окончил и двух курсов юза, но всем рекомендовался "журналистом". Он присвоил труд В. Галанкова,

тимерного в заключении /адрес семьи: Москва, ул. Янгеля, 6-34/- "Бедуин книгу" о процессе Синявского и Даниэля и издал ее за рубежом под своим именем. Откровенный плагиатор. Гинзбург знал, что рано или поздно он все равно уедет за рубеж, а поэтому извлекал из российского инакомыслия все, что мог. Он, что называется, водил за нос не только добросовестных до наивности инакомыслящих и бывших политзаключенных, но Сахарова и Солженицына. Сахаров ему нужен был как реклама, а Солженицын как финансовый источник для безбедного существования. При распределении средств из Фонда он руководствовался не гуманитарными, а коммерческими соображениями, кто и в чем ему когда-нибудь пригодится.

Войдя в этот круг, Сахаров наивно полагал, что это и есть передовые люди России с прогрессивными идеями, и постепенно перенял дурной стиль, не понимая того, что хитрые недоучки попросту используют его в своих корыстных целях. Это в свою очередь привело к замкнутости и политическому тщеславию сахаровской семейно-дружеской корпорации. Нельзя не почувствовать преисбрекания, с которым сахаровцы относятся к другим, с их точки зрения, маленьким людичкам. Они не усвоили того, что нельзя рассматривать человека, как вину: использовал - выбросил. Так был выкинут из орбиты бывший политзаключенный С. Хадженков /г. Минск, ул. Белинского, 6- 25/.

Так, несолено хлебавши, уехал из г. Тарусы от Гинзбурга брат бывшего политзаключенного В. Пестова /г. Свердловск/. Его выручила мать Буковского: дала 10 рублей, и он с грехом пополам добрался до дома. У распорядителя "Русского фонда" снова не было денег, да и времени. Всем великим обычно не хватает времени. Алик же тем более готовился отметить свой день рождения. Посланца Урала, как дворно, на скорую руку покормили на кухне и выпроводили за дверь. Кто его знает, что за тип. Как по Чехову: "Волга впадает в Каспийское море, как бы чего не вышло".

Спрашивается, можно ли совмещать борьбу за Права человека с поголовным недоверием к людям? Вот и получается, что Сахаров будет защищать права Боннэр /жены/, Боннэр - Сахарова. Уж друг друга-то они не могут заподозрить, хотя кто знает, ведь "Волга впадает в Каспийское море....".

Иногда они, чтобы придать своей информации "вес", упомянут С. Ковалева, Д. Орлова, Царанского, а про всех остальных будет сказано лаконично - "и другие". А эти "другие" сидят в тюрьмах т лагерях, держат голодовки, они не менее мужественны и достойны. Но для сахаровцев у них нет имен и фамилий. Радиоголоса продолжают твердить свое: "и другие, и другие".

О национальном движении так же туманно сообщается: "национальное", да лишь иногда промелькнет имя того или иного его представителя, принятого в сахаровский клан, остальные же, как и русские, - "другие". Таковы эти проблематичные умники с их проблематичным объединением.

Следует подчеркнуть, что политическая девальвация сахаровщины сочетается с моральной. Наличие фактически не контролируемого "Русского фонда" имеет негативную сторону. У отдельных инакомыслящих наметилась тенденция к индивидуализму. Тем же, кто распоряжается фондом, бесконтрольность позволяет проявлять себя грубо и даже хамски в отношении неугодных им лиц. Деньги использовались иногда для своего рода подкупа.

Так, была выдана довольно значительная сумма Г.Давиденко /г.Нижний Тагил, ул.Учительская, 7- 38/, с условием, что он прекратит общение с Новосельцевым. Тем самым И.Колковская попыталась вбить между ними клин. Давиденко воспринял это несколько иначе, заявив в присутствии уральцев и Новосельцева: "...хоть шерсти клок". Несколько раньше сахаровцы послали на Урал своего ходока со специально составленным вопросником, с которым курьер обращался к В.Пестову, Н.Шабурову, В.Берсеневу, Г.Давиденко. Список вопросов клонился к опорочению Новосельцева. Но бывшие политзаключенные не дали вовлечь себя в интригу. Они подвели итог: "Вот куда тратятся средства фонда: на бессмысленные поездки курьеров". В данном случае, поездка была не только бессмысленной, но, с точки зрения нравственности, дурного свойства.

В 1979 г. И.Колковская, когда ее посетил бывший политзаключенный А.Чекалин из г.Лисичанска, клеветала ему на Новосельцева. В том же 1979, в первых числах декабря, к ней заходил бывший политзаключенный В.Поташов /г.Омск, ул.Краснофлотская, 17/, и ему она наговаривала на Новосельцева, убеждая, что это, дескать, самый дурной человек. И это та самая Арина, которая, как она публично заявляет, неустанно борется за правду. Она не знала, что Чекалин и Поташов были до нее у Новосельцева, который посоветовал им посетить Колковскую лично и убедиться, что она собой представляет в настоящий момент.

Картину оттеняет выдержка из письма бывшего политзаключенного с Украины Л.Гринькова к В.Пестову: "/после освобождения/... был сложный период. Я тогда не работал, был в Киеве и не мог зарабатывать денег. Но об этом хватит. Я знаю более жестокие вещи о том, как расходовались эти деньги /Русского фонда/, и меня брали зло, что не делается так, как того требовала элементарная бухгалтерия, в которой нужны были люди с чистой совестью....".

Разумеется, никто не имеет права считать рубли в чужом кармане, в том числе и у Колковской с Сахаровым. Но фонд именуется широковещательно: "Русский фонд им.Солженицына для помощи политзаключенным и их семьям". За рубежом у этого фонда даже есть свой Президент. Это уж не частная лавочка, и претензии политзаключенных вполне уместны.

Сахарова называют в радиопередачах из-за рубежа "ведущим правозащитником в Советском Союзе". Это тоже не личное дело Сахарова, и каждый вправе высказать свое мнение.

Чему так предусматривают требования демократии. Никто бы Сахаров представлял только себя и свою семью, ни Новосельцев, ни кто бы то ни было другой не могли упрекнуть его. В таком случае, всякий человек — человек. У каждого свой характер и свои недостатки.

Видимо, не случайно в период присуждения Нобелевской премии мира за 1979 год Немецкая волна из Кельна позволила себе вернуться мысленно к лауреатству Сахарова и усомниться в целесообразности тогдашнего решения Нобелевского комитета. Это было высказано в сравнении с нынешним лауреатом Нобелевской премии мира — Матильдой Терезой. Мать Тереза всецело посвятила себя делу помощи бедным, больным, голодающим. Она спасла от смерти сотни людей и надеется средства от премии потребить на ту же благородную деятельность. Для матери Терезы, действительно, любой страждущий — прежде всего, человек.

Политическая игра Сахарова дала ему возможность стать лауреатом Нобелевской премии мира, но тут он выиграл двум, чтобы потерять затем фунт. Подведем некоторые итоги.

Сахаровщину не следует рассматривать как некое случайное явление. Это закономерный интеллигентский "бунт", есть отрижение предписываемых обществом условий существования личности. Но за ней не стоит никакой силы, способной преобразовать общество, хотя она и отражает определенные тенденции социального развития. Сахаровщина представляет собой небольшую замкнутую привилегированную корпорацию, стоящую в стороне от народа.

Развитие сахаровщины в русле оппозиционного движения — процесс сложный и болезненный, следствие внутренней ее бытием и сознанием. Желание утвердить себя в качестве новых легальных оппозиционеров обернулось для некоторых сахаровцев положением, когда человек живет в едином. И ежели его, человека, как феобаку, возможно, кормить и не дразнить вторжениями в его непосредственно прилегающую, узкую "биосферу", он никогда уже не будет на опасную стезь "бунта".

Другие "борцы" остаются в оскорблённой позе, с призывом уехать за границу, как только предоставится случай. Но ранее они хотели бы завоевать некий политический капитал, чтобы впоследствии реализовать его там и обеспечить себе благополучное доживание.

Когда вопрос коснулся высылки Сахарова в г. Горький, от неустойчивого мировоззрения, заколебался. Его мнение, противоречие предыдущим, следовали одно за другим. Раньше он гордо заявлял, что никогда не расстанется с Россией и будет продолжать борьбу за Права человека. Теперь он заявляет, что устал и готов эмигрировать. Теперь он заявляет, что устал и готов эмигрировать за границу. Его высылка в Горький не идет ни в какое сравнение с тем, что пережили многие другие полит-

В г. Горьком ему приготовили четырехкомнатную квартиру, предусмотрительно обставленную. Оказался там и холодильник, а в нем даже кой-какие продукты.

Чего же в конце концов хочет Сахаров? Вряд ли он сам ответит на этот вопрос. Давно уже чувствовалось, что он выготится "борьбой" за права человека, в которую сам не верит, и совершает поступки, повинуясь инерции и гордые замечательного ученого. Но он уже испустил вопль: "Мы скопом!"

Итак, все "великие борцы", вместе взятые обнаруживают неспособность подняться до понимания современной сложной общественной структуры, экономических закономерностей и действительных путей переустройства общества. Нет, Новосельцев не против Сахарова, он против сахаровщины, как отрицательного явления внутри оппозиции.

Таким образом, можно констатировать, что 1970 год стал исторической вехой, после которой, с ростом эмиграции инакомыслящих за границу, процесс интеграции в демократической движении сменился тенденцией к расслоению и распаду, что стало еще заметнее с 1972 года. Сахаровщина в этот период рассматривалась как центр притяжения оппозиционных сил и отправляла некоторые реальные функи.

Однако уже в 1976 году сахаровщина сама стала распадаться изнутри, вследствие возникшего неравенства между инакомыслящими. Судя по всему, Сахаров не почувствовал угрозы развала, и потерю тех или иных своих соратников присыпал исключительно репрессиям со стороны властей. И если он шел в то время напролом, отставая свои амбиции, то власть, напротив, лавировала, выбирая момент для изоляции того или иного диссидента.

Постепенно Сахаров и его группа, сформированная не на идейной основе, и по принципу родства, личной дружбы и его собственного привилегированного положения, остались в гордом одиночестве, утеряв общественный ориентир. Они продолжали считать, что пока существует Сахаров — существует движение. Но одно дерево еще не лес, а один Сахаров — не оппозиция.

Так сложились условия, когда власть без особого шума расправилась сначала с провинциальными инакомыслящими, а затем приступила к нетраллизации и разгрому сахаровщины. В результате сахаровское окружение сузилось до минимума. Именно в этих условиях наметилось частичное возрождение старых принципов в государственном руководстве, что сказалось в попытках реабилитации культа Сталина. И, следует с горечью отметить, это не вызвало особого недовольства, во всяком случае открытого. Сахаровщина не нашла в себе сил для идейного противостояния, а провинция оказалась насилиственно оторвана от культурных центров. Протест ведущих писателей, художников и деятелей науки не пошел далее разговоров в семейном кружку и дружеском кругу.

Возвращение призрака, имя Сталина на страницах газет повергло некоторых чересчур впечатительных граждан в страх. Люди снова стали подозрительны друг к другу, тщательнее запираются двери и форточки в домах. Как говорится, не до жиру, быть бы живу.

Так демократическая оппозиция, или вернее то, что от нее осталось, оказалась парализована, и зловещую роль сыграла в этом сахаровщина.

В. Новосельцев.

1980 г., Москва.

В В Е Д Е Н И Е.

Мой аналитический очерк берется за основу широкой дискуссии среди инакомыслящих, так как пришло время всесторонне пересмотреть опыт предыдущего десятилетия.

Каждый инакомыслящий должен подумать о судьбе своей и тех, кто ему небезразличен, определить позицию на будущее, попытаться найти смысл жизни, который бы согласовывался со взглядами на жизнь других на основе взаимопонимания, доброты, гуманизма, демократии.

В очерке я открыто определил свои взгляды и позицию. Это в какой-то степени ответ тем, кто пытается извратить понятия справедливости, принципиальности, демократии, достойного, с моральной и политической точек зрения, поведения.

Это ответ и тем, кто пытается инсинуировать, подделываться под меня, распространяя разного рода писма по Москве, к примеру, за подписью некоего псевдонима А. Твердова, которые подбрасывались, в частности, в мой квартирный почтовый ящик.

В. Новосельцев.

г. Москва,

историк - филолог
Новосельцев Валентин
Клавдиянович.

г. Москва,

академик
Сахаров Андрей
Дмитриевич.

НОВОСЕЛЬЦЕВ ПРОТИВ САХАРОВА

или

САХАРОВЩИНЫ.

г. Москва

1980

ЧАСТЬ - I.

МАЛЕНЬКИЕ ЯКОБИНЦЫ И БОЛЬШОЙ КАЛЬВИН.

Семнадцать лет тому назад в далекой Сибири, в Кемеровском педагогическом институте происходили непредвиденные события. В 1962 году на стене одного из коридоров института появилась неофициальная газета под заголовком "Странца из несуществующего дневника". В газете был помещен ряд статей, осуждающих культ Сталина. Это событие привело к открытому диспуту в актовом зале института, где одним из выступавших был студент Валентин Новосельцев. При большом скоплении студентов и преподавателей Новосельцев выступил с речью, обосновывая актуальность тезисов: свобода слова, свобода печати, свобода критики.

Много времени прошло с тех пор, много было пережито и выстрадано. Но желание найти смысл жизни оставалось. Оно определило и появление "маленьких якобинцев", как напоминание о по сути забытых народовольцах. Маленькие якобинцы были одни из немногих, в чем-то наивные, в чем-то несчастные и в чем-то счастливые. Они шли из разных уголков страны и исчезали в квадратах ИТК.

В 1967 г., будучи преподавателем, Новосельцев за распространение листовок /ст. 70, ч. 1/ был отправлен органами госбезопасности в один из таких квадратов. Туда со всех сторон сводились якобинцы, путь которых был предопределен. История очередной раз надсмеялась над человеческой неподственностью.

"Якобинцы", или инакомыслящие, как социальная группа, не представляли собой однородную массу. В нее входили рабочие, служащие, интеллигенты и даже представители советского административного аппарата. Психология и мировоззрение инакомыслящих также не были единообразны. Не были одинаковы и пути формирования политического сознания.

С одной стороны, сказалось долголетнее воспитание на революционных традициях прошлого века и на опыте совершенных в России революций. В школах и вузах молодых людей знакомили с методами осуществления революции, которые как правило начинались с пропаганды идей, создания организации и борьбы за массы. Подобный стандарт настолько прочно утвердился в сознании у части инакомыслящих за годы воспитания, что они не могли представить себе иного пути. Они шли в одиночку и создавали организации, пропагандировали идеи, впадая в политическую ошибку, копируя прошлый век.

Но массы остались в стороне, а маленькие якобинцы в одиночестве. Разве они знали, что рабочих не поднять на революцию? Разве они знали, что научно-технический прогресс своим бурным, интенсивным развитием держит общество в могучих тисках, так что рабочие больше не представляют собой одно целое ни по способу производства, ни с точки зрения материального вознаграждения?

С развитием НТР рабочий класс дифференцировался на многочисленные группы, начиная с низкооплачиваемого слоя разнорабочих и кончая привилегированными "героями социалистического труда". Неквалифицированный рабочий и рабочий, частично выполняющий функции инженера, как того требует производство, уже не были едины в понимании текущих процессов и идеала личной и общественной жизни. Чувство солидарности полуголодных пролетариев 19 века сменилось частнособственническим индивидуализмом.

Маленькие якобинцы не были революционерами в традиционном смысле этого слова, но они явились представителями от разных слоев населения, по которым можно было судить о неблагополучном состоянии общества. На этом уровне маленьких якобинцев составили новую собирательную социальную группу. Момент оппозиционности объединял их в какой-то степени, сплачивая и заставляя держаться друг друга. Но постепенно в среде инакомыслящих начали действовать силы внутреннего противоборства.

Инакомыслящие появлялись не только снизу, но притекали и из верхних слоев общества, в первую очередь из среды интеллигенции, и даже из привилегированного разряда советской администрации. Советская интеллигенция так же, как и рабочие, являет собой сложную социальную структуру. Вопросы, имеющие отношение к проблеме советской интеллигенции, не получили достаточного развития, так как понимание этой проблемы усложнено влиянием сопутствующих процессов, наложивших определенный отпечаток на рассматриваемое явление.

К числу этих процессов можно отнести превращение науки в непосредственную производительную силу, что вызвало изменение соотношения между умственным и физическим трудом, создало различные градации в уровне общественного сознания. Неоднородность сознания и многообразие переходных форм его связаны с изменением роли интеллигенции в системе общественного производства, в котором она выступает в качестве продавца созданного ею продукта.

Большая часть "продавцов"-интеллигентов регламентировалась духовно и материально. А меньшая часть получала баснословные материальные вознаграждения и иммунитет "свободного" профессионального творчества.

Так, с одной стороны, интеллигенция вбирает в себя разряд "свободных художников", с другой стороны, регламентируемых работников. Это положение создавало разный уровень сознания и психологии интеллигента.

С одной стороны, возникло типичное для интеллигенции чувство элитарной исключительности, иногда бросавшее интеллигента "во имя правды" на баррикаду, но чаще делавшее его далеким от народа, идущим в услужение к верховной власти и даже на защиту существующей системы и общественных отношений, молчаливо принимая сложившийся порядок вещей. Вторжение науки в промышленное производство расширило участие интеллигенции в сфере обслуживания и привело к созданию многообразной "индустрии культуры" /реклама и информация, пресса, кино, радио и телевидение, "массовая" литература и "массовая" живопись/.

Массоидация интеллигентии и превращение ее в разраставшуюся группу изменили и психологию интеллигента, все более отличая его от традиционного понятия элитарного индивидуалиста, и обусловили внутреннюю дифференциацию этой группы. Одна часть ее вливается в ряды государственной правящей касты, другая, большая часть вовлекается в сферу производства, но живет значительно хуже упомянутой меньшей части, а также рабочей аристократии. Третья, самая многочисленная категория интеллигентов выполняет примитивные обслуживающие функции технических и конторских работников, приближаясь по положению к среднеоплачиваемым рабочим.

Поэтому политическое сознание и социальная психология этих групп различны, хотя есть и общие элементы, такие, скажем, как лишение права самостоятельно распоряжаться собственной деятельностью. Таким образом, наблюдается расслоение внутри интеллигенции и отрыв самой группы в целом от остальной части общества.

Все это неизбежно обусловило противоречивость социального поведения интеллигенции. С некоторого пор наметившийся процесс раскрепощения творческой индивидуальности постепенно перерос в свою противоположность — персонализм. Ощущение избранности, личной причастности к прогрессу культуры, неизбежная разобщенность и боязнь ее приводят интеллигенцию к выдвижению из своей среды кумиров, "полубогов", к политической мистификации и волонтаристскому переосмыслению реального мира.

Власть, со своей стороны, поощряет писателей, художников, научных работников, которые укрепляют и воспевают ее, проповедуют ее мораль. Корни интеллигентского инакомыслия неотрывны от конкретно исторической среды, в которой оно возникает. Желание дать своим действиям интеллектуальное и моральное оправдание сделало некоторых интеллигентов идейными приверженцами демократии, хотя эта идентичность не идет дальше демократической фразеологии из старого энциклопедического словаря.

Часть интеллигенции, ощущив, в силу сложившихся условий, потребность в героическом страдании, но так и не найдя цель в жизни, пережила подмену демократического духа на неуемную гордыню, не терпящую чужого мнения. Эти интеллигенты уподобились святым, погибающим из-за тщеславия фарiseев.

Отказ от ценностей, которые предлагала им официальная идеология, еще не гарантировал качество самостоятельного политического сознания. Самовыражение, абы как, да "по-своему", стало в среде интеллигенции основной формой инакомыслия. Большая часть представителей интеллигенции, не признавая организационные формы и политическую дисциплину, скатились в конечном счете к семейному бунту, став оппозиционерами в себе, постепенно теряя регулятор общественной чувствительности.

Особенно это характеризует диссидентов из высшего слоя общества, таких как академик Сахаров. Сахаров, как представитель научной элиты, является примером того, что привилегированная каста не только разбухает, но и расслаивается внутри. Переход Сахарова в оппозицию можно рассматривать с разных точек зрения. Уместно напомнить, как особенность современного советского общества, что бюрократия не только сохраняет свою корпоративную сущность, необходимую для удержания власти, но приобретает новые разновидности. Внедрение Сахарова в инакомыслие – это прежде всего проникновение характерных качеств советской бюрократии в измененной форме.

Боязнь всяких заговоров и в то же время "неприятие" бюрократии обирается борьбой против дисциплины и организованности вообще, т.е. по существу против культуры и рационального начала. Такое хаотичное движение никогда не приводило и не приведет к "гуманизации" и "дебюрократизации" общества. Это лишь проблематичный путь к замене обднх бюрократических форм другими. Таким образом, переориентация демократического движения в антибюрократическое, как у Сахарова, напоминает опыт китайской "культурной революции", которая не привела и не могла привести к дебюрократизации страны.

Лишь цельное изменение культуры и качества общественной и индивидуальной жизни человека приведет к изменению политической структуры. Но по Сахарову это не получится, даже в отношении его лично, ибо он уверовал что обладает истиной, отклоняя всякую критику в свой адрес. Его горе-соратники, скатившиеся до уровня застольных говорунов и политических лакеев, образовали в среде инакомыслящих группу вульгаризаторов и подпевал – сахаровщину.

Сахаровщина, с точки зрения общественного идеала, напоминает, пожалуй, республику Платона – народ, "осчастливленный" сверху группой философов-просветителей. Если бы у Сахарова восторжествовал подобный эксперимент, это означало бы создание не демократии, а новой формы насилия, с учетом достижений научно-технического прогресса.

Сахаровщина, как некогда в 1904 году зубатовщина, имеет свои исторические корни и динамику возникновения, а затем постепенного отчуждения от народа. Отчуждение сахаровщины даже от основной части инакомыслящих не было неожиданным явлением для тех, кто внимательно изучал и анализировал методы "оппозиционной борьбы", практикуемые этой группой. С некоторых пор Сахаров почувствовал себя великим реформатором – современный "большой Кальвин".

Появление большого Кальвина низвело других инакомыслящих до уровня "маленьких якобинцев", как бы поляризовало инакомыслие в целом. По одну сторону стала доминировать сахаровщина, с другой стороны оказались все остальные. С точки зрения сахаровщины, слово народ имеет позитивное значение применительно к нему, Сахарову, или его приближенным. Получается, что Сахаров желает быть вместе с народом, но чтобы народ не смешивали со сородом.

А сбродом он считает всех, кто выступает вразрез с его мировоззрением. Как говорил некогда Плутарх: "Усвоив пороки моего сословия, я не мог полностью усвоить его наклонности". Так и Сахаров, не усвоив полностью наклонности высшего бюрократического слоя, именно это возвел себе в заслугу и даже в качестве революционности. Компенсировав одни привилегии иными, он впоследствии противопоставил себя другим инакомыслящим.

Приводим выдержку из открытого письма бывшего политзаключенного Владимира Поташова /г.Омск, ул.Краснофлотская, 17/ к Сахарову: "Мы просто были политзаключенными и доказывали это каждый день, годами. Мы просто боролись за свои права, за права Человека, не задумываясь, кому именно это надо. Мы просто голодовали, шли в ПИЗО и ПКТ и тюрьмы, не имея для себя никаких выгод.

Мы просто теряли здоровье, а некоторые и жизни, на все лишения шли лишь с одной бескорыстной целью: защиты прав Человека.

И вручение Вам, Андрей Дмитриевич, Нобелевской премии мира - это оценка всей многоликой, тяжкой и опасной борьбы политзаключенных за права Человека, а не только оценка Вашей личной позиции".

Политическая дискриминация рядовых инакомыслящих со стороны Сахарова и сахаровщины привела к дисперсному, то есть раздробленному состоянию инакомыслия и даже утрате некоторыми моральных качеств. Эта дискриминация закрыла возможность дискуссии. Дискуссия, как известно, один из ведущих элементов демократии. Свободный обмен мнениями стал невозможен, инакомыслие в целом потеряло свое политическое лицо.

В результате почти исчез самиздат, и даже журналы, выпускаемые прежде, хотя и на низком профессиональном уровне, прекратили свое существование. Многие инакомыслящие, не находя выхода, забросили самообразование, в том числе и политическое. Дилетантизм и пустое зускачество стали прискорбными распространенными способами самовыражения и самоутверждения.

Тому пример - появление журнала с весьма многообещающим названием "Поиски". Авторы этого журнала в какой-то степени почувствовали размежевание в рядах инакомыслящих и попытались подправить сахаровщину. Но, переняв сахаровские методы, они, как говорится, с чем боролись, на то и напоролись. В результате тот же низкопрофессиональный уровень, в частности политический, свидетельствует о том, что не все сотрудники редакции - люди достаточно убежденные, и главное, достаточно талантливые. Для того, чтобы интерпретировать ту или иную теорию, чужое политическое направление, нужно, как минимум, иметь собственное и оставивать его с уверенностью, откристаллизованной и аргументированной. У журнала дискуссии не получилось, некие обрезки мыслей - не "Поиски", а "Пояски".

ЧАСТЬ 2.

Во время беседы Новосельцева с членом редколлегии этого журнала П. Егидесом был затронут вопрос о сахаровщинах. П. Егидес с грустью констатировал: "Да, мы дали им /сахаровцам/ слишком большую власть. Что мы можем сделать? Так сложилась конъюнктура". Тогда зачем искать и что? Искать даже благородную тень отца Гамлета - дело безнадежное и бесперспективное.

Таким образом, двойственное понимание демократии среди инакомыслящих предопределено и двойственное отношение к ней, так как не всех устраивает демократия по-сахаровски. Сахаровщина - худшее искажение этого понятия. Претензии Сахарова на роль "Отца русской демократии" и великого пресветителя остаются борьбой, в первую очередь, за личный престиж.

Отметим, что история "великих просветителей" в некоторых аспектах повторяется. Не всегда они оказались на высоте нравственных требований по отношению к народу, а также единомышленниками и друзьями.

Например, знаменитый Сперанский, состоявший в личной дружбе с декабристом Батенковым, после поражения 1825 года не только выдал последнего, но и содействовал тому, чтобы Батенкова упрятали в Петропавловку и на 9 лет изолировали как душевнобольного, с последующим отбыванием 11 лет на сибирской каторге.

Известно, что Лютер громил в своих проповедях мятежных крестьян, поднявшихся за его дело, за проведение Реформации, а Бальтер писал тайные доносы, дабы королевские войска разбили движение благородного разбойника Мандрена и его сестри, за которыми шел народ. Великий Исаак Руссо, убежденный демократ, был тем не менее человеком суеверным: он тщательно скрывал свое плебейское происхождение, фактически отрекаясь от родного отца Исаака Руссо. "Не сотвори себе кумира" - гласит христианская заповедь, но люди, с неизжитой привычкой возвеличивать личность в истории, поступают вопреки этому завету.

ЧАСТЬ 2.

БОРЬБА ЗА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СВОБОДУ
ИЛИ ЗА ПОЛИТИЧЕСКУЮ РАСПУШЕННОСТЬ.

В этой главе рассмотрим механизм появления сахаровщины в среде инакомыслящих.

Инакомысление в целом, какими бы путями оно ни формировалось в советской среде, оказалось по одну сторону барьера, противоположную официальной идеологии. Но верно и то, что сами инакомыслящие, уже по отношению друг к другу, находятся за разными внутренними оградами.

Инакомыслящие, которые имели тот или иной политический опыт, после выхода из лагерей оказались либо на окраинах России, либо эмигрировали за границу. Их влияние в культурных центрах практически не осуществлялось, т.е. отсутствовал важный элемент – политическая преемственность.

Отряд инакомыслящих частично пополнялся писателями и художниками, желающими свободы самовыражения, свободы творчества, без политической платформы. Это, так сказать, традиционное интеллигентское инакомысление, переходящее от эпохи к эпохе, от века к веку.

С другой стороны, в отряд инакомыслящих входили деятели науки и культуры, т.е. люди со специальными позициями в различных профессиональных областях, знающие себе цену и претендующие быть первыми не только в области науки, но и в политике, хотя их научная компетенция не всегда соответствовала политической.

И в-третьих, отряд инакомыслящих рос за счет разночинной интеллигенции, людей, не занимающих ответственных постов ни в науке, ни в административном аппарате. Наиболее интенсивным репрессиям подвергался последний отряд. Он был и самым многочисленным, особенно в сравнении с художниками и писателями – людьми свободных профессий, которых их положение также не гарантировало от преследований. Менее уязвимыми оказались высокопоставленные учёные, типаж академика Сахарова, выступающие по отношению к советской администрации в роли блудных сынов.

Даже будучи инакомыслящими, для власти они все еще оставались своими, из своего круга, сохраняя некоторые привилегии и статус неприкосновенности. Вокруг них группировались члены семей, родственники, друзья. Их вполне устраивало подобное положение. О них говорит зарубежная пресса и радио, к ним заходят иностранные корреспонденты на частные "пресс-конференции". Постепенно личные амбиции стали выдаваться за общественное мнение, именоваться борьбой за права человека.

Некоторые писатели и художники, разругавшись с официальной администрацией, о чем шла речь выше, оказались в сложном положении. Раскаяться и вернуться под покровительство власти им не позволяла совесть и гордость. Но провозгласить какую-либо самостоятельную политическую платформу было не по силам и боязно. Тут-то для них стал пригодным третий путь, менее обязывающий — примкнуть к Сахарову и его друзьям. Сахарову, с его стороны, это было выгодно и лестно. Он принимал в свой круг очредное имя, о котором говорили до него, а далее будут говорить при его участии. Быстро заполучить информацию, а придать ей политический характер — дело несложных манипуляций.

Представители их отряда разночинной интеллигенции для Сахарова не имели ценности /там не было громких имен/, а политическая смелость некоторых даже отпугивала. Несмотря на столь сложные взаимоотношения, Сахаров приближал некоторых из них к себе, преследуя прежде всего цель получать нужную информацию с низов. Эти приближенные в среде сахаровцев исполняли роль курьеров и даже лакеев. Они не имели собственного политического мышления, либо не высказывали своих мнений, угодливо принимая диктуемый им образ жизни и оценок, взирая на Сахарова, как на оракула, получая за такое приспособленчество радужный прием в сахаровской квартире — штабе "демократического преобразования России".

Однако политические претензии Сахарова не разделялись безоговорочно известными писателями, примкнувшими к сахаровщине. Это заставляло Сахарова держаться с ними на равных, в чем-то соглашаться. Только позиция "отца русской демократии" могла устроить Сахарова, и, как показала практика, это дало известные результаты.

О бахарове заговорили на Западе. Не исключено, что какая-то часть зарубежных политических деятелей ориентировалась на его авторитет как истинного борца за права человека в СССР, подразумевая, что вокруг Сахарова сплотятся все оппозиционные силы. Но большинству западных политиков было выгодно, ссылаясь на академика Сахарова, уцелеть противоположную сторону в нарушении прав человека. В этом свете, академик Сахаров выступает в качестве международной политической фиги, которую одно правительство показывает другому при взаимных разоблачениях.

Но даже такое положение, когда борьба за права человека имеет лишь символическое значение, по мнению западных политиков, следовало застолбить. И вот Сахаров стал лауреатом Нобелевской премии мира. Теперь-то правительство не рискует расправиться с Сахаровым, боясь мирового общественного мнения, международного скандала.

Все более заботясь о международной престижности своей имени, Сахаров необратимо отдался от основной массы информаторов, которых он рассматривал лишь как исходное сырье для поддержания собственной политической карьеры. Вся технология сбора и обработки информации была приспособлена для него и его друзей.

Выпячивалось несколько имен из окружения Сахарова, которые возводились в ранг великих мучеников и геров. Превозношение их геройства без чувства меры шло в ущерб тем инакомыслящим, которые действительно страдали, но о них умалчивалось. Сахаров, уже не стесняясь, мог себе позволить одних принимать, другим отказывать, третьих вообще не замечать. Еще бы, ему стало казаться, что политическая ось событий проходит именно через его квартиру.

Отношения среди инакомыслящих постепенно начали изменяться, не в лучшую, а в худшую сторону. Одни из них разуверились в политической борьбе, глядя на "деятельность" Сахарова и его друзей, вторые перегулялись между собой, третий пристроились к сахаровщине в качестве придворных лакеев, четвертые опустились до уровня политических кликуш. Разложение и размежевание шло по всем швам, в том числе и идейным. Еще бы: циничный антидемократизм сахаровщины в среде инакомыслия не мог дать других плодов.

Постепенно сахаровщина все более и более сужалась, пока не приобрела черты рыцарского ордена, оппозиционности которого преобразовалась в социальные турниры, сами рыцари в игроков. Сахаровщина — это часть оппозиции, чей дух беспокойства о судьбах демократии не поднялся выше порога того или иного разрекламированного "вождя" народа.

Сам же Сахаров не смог проникнуть в область политического мышления. Для него это оказалось сложнее, чем теория ядерных реакций. У него, как у привилегированного ученого патриотический идеал когда-то отходил с идеалом свободы. Впоследствии Сахаров все меньше выступал с программными заявлениями, но и прежде и теперь ограничивался безобидным абстрактным говорением о демократии, которое мало кого к чему обязывает, зато создает шум.

В этом свете Сахарову следовало бы знать, что политика подчиняется не тем же самим законам, каким, скажем, обувная промышленность. Политические закономерности формируются не только из общественных отношений, но и из отношений отдельных индивидов, принадлежащих к тем или иным социальным группам. Сахаров смотрит на общество односторонне, он видит лишь привилегированную его часть и в какой-то степени выражает ее интересы. Но он совсем не сторонник идей поднимать сапожников и кухаркиных сынов до уровня канцлеров.

Сахаровщина претендует не много, не мало, как на гуманизацию государственной системы, для чего следовало бы пристроить к ней несколько институтов с непременным приложением демократических форм их организации и воздействия на общество. В этом видится заманчивая "пластичность", которой расширяются возможности для свободного творчества индивида.

История помнить немало разного рода хитростей, вроде паллиативных реформ без разрушения основ. Зубатовщина в России была именно такой хитростью, попыткой "Известий" общество исподволь в "новое" русло, к чему стремится ныне сахаровщина. Два явления — зубатовщина и сахаровщина — не только подобны, они проникнуты сходным желанием направит-

народ без революции и личного риска для идеологов "в пр
красный новый мир", в который сами радетели въедут только на белом коне. Пока же они предпочитают ехать на спинах политзаключенных и других рядовых инакомыслящих.

Как показывает история, новая ступень в развитии общества создает новые качественные предпосылки, материальные и духовные, которые могут иметь как положительные, так и отрицательные ~~истории~~ следствия. Именно это мы видим на примере сахаровщины. Оппозиция, инакомысление в целом - это новая ступень в развитии общества, явление положительное, в то время как сахаровщина не только увела движение в сторону, но и создала условия для его поражения.

"Политический" философ Сахаров не желает замечать двойственный характер противоречий. В какой-то степени он отмечает противоречия в государственной системе, так сказать, в чужом глазу. Это значит - смотреть "широко". Но противоречия внутри оппозиции он признавать не хочет, а если кто-нибудь ему на них указывает, считает это кознями "агентов". Он давно привык рассматривать политику приватно, его дело - указывать перстом, куда надо бы двигаться массам и где находится "прекрасный новый мир".

Такое положение вещей идейно опустошило сахаровское окружение, где каждый в отдельности перестал видеть в себе личность с собственным внутренним миром, взглядами, поисками, радостью и страданиями. Каждый из них уподобился вобле, которая если что-нибудь значит, так только "в куче". Трудно ожидать от подобной почвенной неровности чего-нибудь путного, разве что кто-то об нее споткнется.

Сахаровщина, хоть это и великое недоразумение, все же и в таком виде "противостоит" правительству. Что служит импульсом протеста? Может, нравственное негодование? Но чем тогда объяснить многочисленные персональные отказы Сахарова в помощи инакомыслящим и даже бывшим политзаключенным? Это, к примеру, 1/Зиновьев /г.Новосибирск/, 2/В. Спиненко /г.Макеевка/, 3/В.Поташов /г.Омск/, 4/В.Новосельцев /г.Москва/, 5/Н.Иванов /г.Александров/, 6/Ф.Клименко /г.Днепропетровск/, 7/В.Куриленков /г.Ленинск-Кузнецкий/, 8/Михаил Луц/Днепропетровск/, 9/В.Сквирский/Москва/, 10/А.Поздняков /Москва/.

Нет, нравственность здесь ни при чем. Тогда, может быть, порыв души к разносторонней деятельности, инстинкт самосохранения перед возможной будущей деградацией одномерного человека? Может, вследствие особой душевной тонкости Сахаров берет ~~на~~ охотно "на подножку" того или иного знаменитого ученого или писателя, но не в силах преодолеть бессознательную неприязнь к "Захаркам" и "Гришкам"? И это не то.

Просто Сахаров - человек, приспособляющийся на основе политического отбора.

Генетическая предрасположенность тут ни при чем. Страх демократа-пессимиста - вот что вызывает у него протест, служит импульсом к фрондерству. А остальные сахаровцы - это декоративное обрамление "оппозиционной" деятельности и "бунта" большого Кельвина.

Исторические корни сахаровцев уходят в глубь шестидесятых годов. Еще когда В. Бовосельцев находился с 1968 г. в Дубровлаге Мордовской АССР, на лагпунктах №11 и 19, было видно, как зарождалось неравенство среди заключенных, признаки пренебрежения, разделение на интеллектуалов и провинциалов. Существовала даже в некотором роде материальная зависимость. Это происходило потому, что у политзаключенных из Москвы и Ленинграда родители и родственники умели пользоваться известностью, которую приобретали дела их близких, законодательством и своим, иногда высоким служебным положением. Так получалось, что политические задачи отодвигались на второй план, а на первый - уметь жить, даже находясь в лагере.

То же повторилось затем и после выхода на свободу. Постепенно среди этих людей возникла круговая порука. Так подспудно готовилась среда, в которую позже вошел Сахаров. Сахаров не мог разобраться в мотивах, руководивших "оппозионерами", ни в сути их "оппозиционности". Он принял положение вещей, каково оно есть, как верующий слово Божие, не подвергая сомнению. Это личный раз подтверждает, что нельзя назвать всесторонне образованным человека, который даже при отличном знании физики и математики столь беспомощен в политике и психологии.

Сахаровцы с гордостью, как небывалую гражданскую доблесть расценивают свои умеренные высказывания о демократии, а в своих поступках усматривают исторический "подвиг". Преувеличение собственных деяний, главное, возможность такого превознесения, обладание трибуной создало ряд рекламных "имен". Так с гражданской оппозиционностью начала соседствовать политическая коммерция. Инакомыслие, для которых главной задачей была, действительно, демократизация страны, уперлись в туники охранных отделений и, не видя выхода, эмигрировали на Запад либо уехали на окраины по своей и не по своей воле. В центре остались политические коммерсанты, умеющие лавировать, чтобы заручиться относительной безопасностью.

Спустя пять лет после процесса Синявского и Даниэля началась новая эпоха в инакомыслии - эпоха сахаровцев. Кровиницы тут уже в расчет не принимались, сахаровщина пополнялась через естественный отбор представителями интеллигенции с культурными и научными ямочками. Главное, теперь появился лидер. Те, кто до Сахарова в какой-то степени замещали эту вакансию, походили скорее на политических прописеров с демократическими погремушками. Начиная с 1970 г. демократическое оппозиционное движение, можно сказать, разкололось на два лагеря: "великие" столичные "борцы" и все остальные.

Поскольку количество всех остальных было больше, "верные борцы" сконструировали перекидной мостик - для связи с массами". Тех, кто хвалил "борцов" и подпевал им, они после определенного карантина принимали в свои "стройные ряды", препроводив по зыбкому мостику. Так совершился эксперимент, в результате которого на арену общественной жизни вышел картель привилегированных. Все они придерживались умеренных взглядов и решительно отталкивали от себя радикально-демократические течения. Политика таким образом стала предметом идеологического торга, а нравственность утонула в "красивых пошлостях света".

Инакомыслящие столкнулись в лице сахаровщины с нежеланием и противодействием созданию обединенной платформы оппозиции. Борьба сахаровщины за демократию обернулась борьбой против демократии. Вот почему в среде инакомыслящих не вызрела дискуссия. Самиздатская диссидентская литература носила в основном не теоретический, а фактографический разоблачительный или характер. Амбиции случайных "теоретиков" и "войдэй" не обес печивали ни глубину мыслей, ни широту обобщений, ни политическую остроту, ни литературное мастерство диссидентской публицистики и беллетристики. Только в ходе дискуссии могли бы сложиться новые духовные ценности. Сахаровщина, пользуясь своим положением, монополизировала область самиздата. Поверхностный и субъективный характер отличает и ряд работ, издаваемых за рубежом теми же авторами или с тех же позиций.

Единственная работа за последние 5 лет, заслуживающая внимания с нашей точки зрения, - это статья Солженицына об интеллигенции в сборнике "Из-под глыб". Солженицын, еще будучи в России, одним из первых увидел то, что другие просмотрели. Он четко выявил негативные стороны интеллигентии вообще, инакомыслящей в частности. Он подметил тенденцию морального и умственного разложения, что впоследствии продемонстрировала сахаровщина. Солженицын дал интеллигенции пощечину.

В связи с этим вспоминается факт обсуждения упомянутой статьи в доме Ю. Закс-Твердохлебовой, где Новосельцев, приезжавший тогда в Москву лишь на краткое время, часто оставлялся. Юля Закс, выражая, видимо, не только свое, но сложившееся в кругу, к которому она принадлежала, мнение, заявила: "Солженицын - художник, а не политик и многого не понимает в интеллигенции". При этом она выразительно морщилась, чем красноречивее слов хотелла передать свое неудовольствие.

Если бы автором подобной статьи оказался не Солженицын его непременно провозгласили бы агентом госбезопасности. Сахаровцы не могли позволить себе выпад в отношении его, какой они, не задумываясь, применили бы к другим. Они сделали вид, что не замечают статьи, дескать и Солженицыну свойственно ошибаться.

Сейчас Юлия Закс находится в США и, надо думать, пользуется вместе с мужем гостеприимством Солженицына на правах старинных друзей. А как же статья? Да никак. У Юлии проблемные политические материализовались в иные. Ее нынешнее присутствие в окружении Солженицына не оправдится на положении дел здесь, в России. И в США все останется по-старому. Зять Сахарова Янкелевич по-прежнему будет рекламировать перед зарубежными издательствами только Сахарова, в крайнем случае его ближайших друзей.

Сахаров монополизировал информационные каналы с помощью иностранных корреспондентов, обрабатывая их на своих "пресс-конференциях". Он убедил корреспондентов, что все, кто помимо него, Сахарова, звонит и обращается к нему, это агенты КГБ и провокаторы. Так Сахаров всякое автономное действие инакомыслящих считает непростительным осуждением.

Сахаровщина с ее так называемой "борьбой" за добрократизацию перевевает доктрины различных философско-политических школ, искающих способ "самовыражения индивида в заданной ситуации". Такой бунт бессилен, а разочарованные, усталые бунтари нередко сдаются на милость того самого "истеблишмента", который они еще вчера пытались преобразовать. После этого "борцы" со спокойной совестью уезжают в эмиграцию, надеясь там составить себе имя, как выдающиеся теоретики и знатоки России. В ожидании этого приятного события, усталые борцы живут на пособие по безработице и подкармливаются крохами со стола более удачливого нувориша из соотечественников.

Солженицын в упомянутой статье произвел серьезный социологический анализ интеллигенции, хотя и глазами художника. Интеллигенция продолжает мыслить категориями группового сознания, которое не всегда соответствует ее реальному бытию в обществе. Этот разрыв определяет противоречивость социального поведения интеллигенции и ее оппозиционной части. Пример академика Сахарова показателен в том смысле, как можно подменить борьбу за политическую свободу политической распущенностью. Безответственное поведение Сахарова и сахаровщины нанесло ощущимый удар демократической оппозиции, но и открыло глаза многим инакомыслящим. Приводим выдержку из открытого письма Сахарову историка-искусствоведа В.Куприенкова /г.Ленинск-Кузнецкий, ул.Зварыгина, 16-23/:

"Ваша позиция выглядит весьма своеобразно. Но если учесть информацию, которая вот уже в течение нескольких лет передается по радио, Ваша защита сводится к узкому кругу инакомыслящих, в основном из Вашего окружения. Все остальное принесено в жертву этому окружению... В конечном счете такая политика стала причиной раскола оппозиции, нанесла ей удар и отбросила на несколько лет назад. Отсутствие широкой солидарности и барство некоторых инакомыслящих является слабым местом молодой оппозиции в СССР. И в этом не мало Вашей вины."

ЧАСТЬ 3.

ДОИМ ВЫГРАЛ 2 ФУТ ПОТЕРИЛ.

Итак, в этой работе поднят вопрос о сахаровщине; но не следует думать, что никто из инакомыслящих не замечал ранее указанного явления. Многие видели, что оппозиция, увлекаемая сахаровщиной, движется к поражению. Нужна была смелость, чтобы высказать свое мнение открыто. Ведь сахаровцы давно применяют к тем, кто в чем-либо с ними не согласен, недозволенный прием, обзывающий такого человека либо агентом госбезопасности, либо провокатором. Это делается посредством переписки, телефонных звонков или просто напечтыванием друг другу на ухо. Одним словом, сознательно дискредитируется определенный человек в глазах инакомыслящих, которые не знают истинного положения вещей. Только принципиальность и глубокое знание фактической стороны могли поколебать укоренившиеся стандарты отношений. Нужно было перекрыть унижение и оскорблении, домыслы и оговоры сахаровцев и все-таки выстоять, не поколебаться, не отступить перед неправдой.

Новосельцев прошел через эти испытания и в какой-то степени выполнил свою задачу. Его знают многие инакомыслящие и бывшие политзаключенные, они верили и помогали ему. Работа, которая перед вами, — результат в какой-то мере коллективного поиска и анализа, проведенного теми, для кого Платой друг, но истина дороже. Новосельцеву довелось лично ознакомиться с сахаровским окружением, а также посетить многих бывших политзаключенных в Ленинграде, Луге, Минске, Таллине, Перми, Омске, Свердловске, Фрунзе, Ташкенте, Молдавии, Донецке и Крыму. Разговаривать с людьми, делиться мнениями — только так можно было изучить сахаровщину со всех сторон. На это ушло несколько лет, сам Новосельцев пошатился еще одним сроком лишения свободы. Он выдержал восемь голодовок, подвергался арестам восемнадцать раз, трижды прошел этапами почти через всю Россию, побывал в четырнадцати тюрьмах и, кроме того, отбывал кратковременное заключение в четырех специприемниках. В одной лишь Москве его арестовывали пять раз. В 1978 г. его из Москвы в сопровождении сотрудников госбезопасности отправили на самолете в Кемерово.

Сахаровцы с некоторых пор увидели в Новосельцеве принципиального инакомыслящего и своего оппонента. Это насторожило их и напугало. От Новосельцева желательно было избавиться. Тогда начали муссировать разговоры о том, что Новосельцев создает нелегальную организацию. Такие разговоры специально происходили в домах, которые наверняка прослушиваются.

Таким путем госбезопасность была введена в заблуждение, и вскоре Новосельцев, как упоминалось выше, был осужден по формальному делу, а в действительности, как заявил следователь ГБ Гайдельцев, за попытку создать нелегальную организацию и созвать съезд. Сахаровцы, под ником помощи, отрядили на суд адвоката Нимиринскую из г. Ворошиловграда. Ей нужно было разведать, каково положение дел и надолго ли упрячут Новосельцева.

Адвокат Нимирина начала свою помощь с того, что по приезде в Кемерово потребовала от родителей Новосельцева 50 рублей. У матери Новосельцева таких денег не оказалось, так как она получает пенсию 26 рублей. Мать заняла у соседей и отдала Нимиринской. Не стоит говорить о разного рода странностях в поведении этого адвоката, кроме того, что в Калужской тюрьме она отказалась Новосельцеву а юридической помощи /оформить заявление на пересмотр дела/. Тогда Новосельцев был вынужден заявить Нимиринской: "Я сожалею, что вы мой адвокат". Борьба за освобождение продолжалась Новосельцевым в одиночку, голодовка за голодовкой, последняя в тридцать суток.

В 1978 году Новосельцев женился и переехал к жене в Москву. Это было трудное время. Почти восемь месяцев Новосельцев оставался без работы, иногда буквально без куска хлеба. Его жена, некогда причастная к политическому делу Бурмистровича, несколько раз теряла работу и переходила на ниже оплачиваемую, жила трудно. Друзья Новосельцева, в большинстве своем бывшие политзаключенные: Шабуров, Берсенев, Давиденко, Нагорный, Зиновьев, Куприенков, Патрин и др.- помогали, чем могли. Сахаровши, в лице Колковской, распорядительницы Русского фонда, отказали жене Новосельцева Р.Урбан в помощи под тем предлогом, что из фонда не положено давать в долг. Сахаровшина пошла на конфронтацию. Особую неприязнь питали они к бывшим политзаключенным, как своим потенциальным конкурентам в отношении политического престижа. Таким образом, борьба за права человека оказалась не более, чем клоунадой на политической арене. Уж очень ее обкорнали.

И это во время, когда каждый инакомысливший должен быть преисполнен доверия к своим единомышленникам, человечности и сострадания к тем, кому еще труднее, когда все должны быть друг другу родными братьями. Но, по закону всеобщего свинства, сахаровшина желанный демократизм трансформировалась в хвостизм, а бахаров предстает чем-то в роде русского барина.

Пройдя через государственное элитарное чистилище, Сахаров никем другим и не мог стать. Советы предоставили таким, как он, множество привилегий, в том числе возможность блестящей профессиональной карьеры. Таким образом, они взошли на вершину материального и престижного олимпа, и лишь впоследствии им стало не хватать личной свободы, а собственные проблемы модифицировались в "общественные".

Все, что можно было получить от власти, Сахаров получил: бесплатное образование, кандидатскую степень, уникальную работу в научно-исследовательском институте, трижды Герой социалистического труда и множество прочих подарков, наконец, звание академика и громадные денежные суммы. Следовательно, Сахаров неизменно служил государству, как говорят, "по заслугам каждой награжден", даже сверх всякой меры. Но баснословные средства на финансирование проблем, разрабатываемых Сахаровым, и роскоши, в которой кила алита, и он в том числе, были извлечены из крови и пота трудового народа.

Вот почему сегодня мы свидетели антагонизма между сахаровщиной и народом, сахаровщиной и большей частью инакомыслящих. В плане экономическом и социальном – роскошь одних есть причина необеспеченности других. В плане политической и психологической, честолюбие неизбежно питается представлением о правах и обязанностях, усвоенным Сахаровым по принадлежности к общественной элите.

В свете истории инакомыслия в России, эволюция Сахарова не была явлением исключительным. Он проделал тот же путь, что и некоторые выходцы из простого народа. Путь этот можно разделить на три периода. В первый /1961-65 годы/ Сахаров писал разного рода жалобы в официальные органы. Так сказать, "жалобный период". С 1965 года он от жалоб переходит к протестам. Но ни увещевания, ни протести не возымели действия. Отступать Сахарову уже не хотелось, это были бы капитуляции, да и набранные обороты подталкивали вперед, на гребень волны инакомыслия. Роль буksира, выведшего Сахарова на центральную орбиту, сыграл в его судьбе Солженицын. Так Сахаров стал оппозиционером от науки, но не смог одолеть науку политическую, а следовательно, политическую тактику. Уйдя из официальной касти, он создал другую касть, среди инакомыслящих, и в ней замкнулся. Не видя выхода ни для себя, ни для других, он проводил политику, как бог на душу положит.

Единственное, что удержало Сахарова на гребне инакомыслия, – это контакты с иностранными корреспондентами, которых сахаровцы не раз серьезно подводили, слабая ложной информацией. В частности, общеизвестный конфуз с публичным показанием Гамсахурдия, в результате которого двух американских корреспондентов предали суду за публикацию не соответствующих действительности материалов. Или некая семья Кан, судьбу которой обсуждал даже американский Конгресс: как оказать медицинскую помощь их малолетней дочери, которая будто бы находилась при смерти. Когда семья Кан эмигрировала, а девочку обследовали врачи, оказалось, что ее здоровью не угрожает серьезная опасность. После этого в американской прессе появились статьи, осуждающие тех, кто ввел в заблуждение международное общественное мнение, а "Голос Америки" даже привнес извинения советскому правительству.

Оно дело, когда поднимается крик по поводу того, что кому-то в трамвае ногу отдали, и другое, когда решается судьба человека, а об этом упорно молчат. Как молчали, например, семь лет о В. Спиненко, пока тот сидел в психушке. Спиненко /Донецкая область/ — рабочий, так кому он нужен, во всяком случае, не Сахарову. Сахаров, как известно, развязал целую кампанию, чтобы его мене Боннер дали возможность оперировать глаз в Италии. Бесё шум был поднят от имени правозащитного движения в России, от имени инакомыслящих. Здесь все нужны.

Но совсем другое отношение раскрывается в цитате из письма В. Спиненко к Сахарову: "Вас столько лет просят принять участие в моей судьбе, но Вы упорно не хотите этого знать. Вам очень хочется называться ведущим правозащитником. Но я думаю, что Вы либо предали нас, либо прошли".

В связи с этим вспоминается 1976 год, когда Новосельцев, будучи на лаге, по просьбе бывшего политзаключенного С. Лахаева /г. Луга Ленинградской обл., ПМК-105/, отослав Спиненко в психушку. Новосельцев поплатился за это. Он был арестован на работе /в Научно-исследовательском институте соляной промышленности, г. Артемовск, конструкторское бюро/ и взят под стражу. После пятнадцатидневной голодовки Новосельцев был выпущен из свободу, но из конструкторского бюро его уволили "за прогул" именно этих 15 дней.

Через несколько суток после голодовки и скоропалильного увольнения, Новосельцев прибыл в Москву. Он залез к Гинзбургу, сообщил, в частности, о Спиненко. Новосельцев и сам нуждался тогда в помощи. Он попросил у А. Гинзбурга, распределителя "Русского фонда им. Солженицына", денег. Гинзбург ответил, что денег у него, к сожалению, нет. А деньги были. Сахаровчина и близкий к ней А. Гинзбург издергали по 1976 год /лето/ 305 тысяч рублей из фонда и 270 тысяч оставалось. Сам Гинзбург брал из фонда для себя ежемесячно как "профессиональный революционер" 250 рублей, плюс прочие неучтенные расходы. А Новосельцеву он отказал не потому, что показал денег, а потому, что побоялся. Вдруг Новосельцева обвинят в создании какой-нибудь нелегальной организации, а Гинзбурга притянули бы за ее финансирование. Куда проще быть революционером, сидя за хорошо сервированным столом, да еще в обществе иностранных корреспондентов. В такой обстановке приятно созидавать величие собственных помыслов и поступков.

Гинзбург с легкой руки А. Солженицына стал полно властным распределителем "Русского фонда". Бессконтрольность в распределении финансовых средств позволила ему диктовать другим свои условия и рекламировать свое имя за рубежом. Гинзбург не окончил и двух курсов юза, но всем рекомендовался "журналистом". Он присвоил труд В. Галанкова,

туманного в заключении /адрес семьи: Москва, ул. Янгеля, 6-34/- "Бедуин книгу" о процессе Синявского и Даниэля и издал ее за рубежом под своим именем. Откровенный плагиатор. Гинзбург знал, что рано или поздно он все равно уедет за рубеж, а поэтому извлекал из российского инакомыслия все, что мог. Он, что называется, водил за нос не только добросовестных до наивности инакомыслящих и бывших политзаключенных, но Сахарова и Солженицына. Сахаров ему нужен был как реклама, а Солженицын как финансовый источник для безбедного существования. При распределении средств из Фонда он руководствовался не гуманитарными, а коммерческими соображениями, кто и в чем ему когда-нибудь пригодится.

Войдя в этот круг, Сахаров наивно полагал, что это и есть передовые люди России с прогрессивными идеями, и постепенно перенял дурной стиль, не понимая того, что хитрые недоучки попросту используют его в своих корыстных целях. Это в свою очередь привело к замкнутости и политическому тщеславию сахаровской семейно-дружеской корпорации. Нельзя не почувствовать преисбрекания, с которым сахаровцы относятся к другим, с их точки зрения, маленьким людичкам. Они не усвоили того, что нельзя рассматривать человека, как вину: использовал - выбросил. Так был выкинут из орбиты бывший политзаключенный С. Хадженков /г. Минск, ул. Белинского, 6- 25/.

Так, несолено хлебавши, уехал из г. Тарусы от Гинзбурга брат бывшего политзаключенного В. Пестова /г. Свердловск/. Его выручила мать Буковского: дала 10 рублей, и он с грехом пополам добрался до дома. У распорядителя "Русского Фонда" снова не было денег, да и времени. Всем великим обычно не хватает времени. Алик же тем более готовился отметить свой день рождения. Посланца Урала, как дворню, на скорую руку покормили на кухне и выпроводили за дверь. Кто его знает, что за тип. Как по Чехову: "Волга впадает в Каспийское море, как бы чего не вышло".

Спрашивается, можно ли совмещать борьбу за Права человека с поголовным недоверием к людям? Вот и получается, что Сахаров будет защищать права Боннэр /жены/, Боннэр - Сахарова. Уж друг друга-то они не могут заподозрить, хотя кто знает, ведь "Волга впадает в Каспийское море....".

Иногда они, чтобы придать своей информации "вес", упомянут С. Ковалева, Д. Орлова, Царанского, а про всех остальных будет сказано лаконично - "и другие". А эти "другие" сидят в тюрьмах т лагерях, держат голодовки, они не менее мужественны и достойны. Но для сахаровцев у них нет имен и фамилий. Радиоголоса продолжают твердить свое: "и другие, и другие".

О национальном движении так же туманно сообщается: "национальное", да лишь иногда промелькнет имя того или иного его представителя, принятого в сахаровский клан, остальные же, как и русские, - "другие". Таковы эти проблематичные умники с их проблематичным объединением.

Следует подчеркнуть, что политическая девальвация сахаровщины сочетается с моральной. Наличие фактически не контролируемого "Русского фонда" имеет негативную сторону. У отдельных инакомыслящих наметилась тенденция к индивидуализму. Тем же, кто распоряжается фондом, бесконтрольность позволяет проявлять себя грубо и даже хамски в отношении неугодных им лиц. Деньги использовались иногда для своего рода подкупа.

Так, была выдана довольно значительная сумма Г.Давиденко /г.Нижний Тагил, ул.Учительская, 7- 38/, с условием, что он прекратит общение с Новосельцевым. Тем самым И.Колковская попыталась вбить между ними клин. Давиденко воспринял это несколько иначе, заявив в присутствии уральцев и Новосельцева: "...хоть шерсти клок". Несколько раньше сахаровцы послали на Урал своего ходока со специально составленным вопросником, с которым курьер обращался к В.Пестову, Н.Шабурову, В.Берсеневу, Г.Давиденко. Список вопросов клонился к опорочению Новосельцева. Но бывшие политзаключенные не дали вовлечь себя в интригу. Они подвели итог: "Вот куда тратятся средства фонда: на бессмысленные поездки курьеров". В данном случае, поездка была не только бессмысленной, но, с точки зрения нравственности, дурного свойства.

В 1979 г. И.Колковская, когда ее посетил бывший политзаключенный А.Чекалин из г.Лисичанска, клеветала ему на Новосельцева. В том же 1979, в первых числах декабря, к ней заходил бывший политзаключенный В.Поташов /г.Омск, ул.Краснофлотская, 17/, и ему она наговаривала на Новосельцева, убеждая, что это, дескать, самый дурной человек. И это та самая Арина, которая, как она публично заявляет, неустанно борется за правду. Она не знала, что Чекалин и Поташов были до нее у Новосельцева, который посоветовал им посетить Колковскую лично и убедиться, что она собой представляет в настоящий момент.

Картину оттеняет выдержка из письма бывшего политзаключенного с Украины Л.Гринькова к В.Пестову: "/после освобождения/... был сложный период. Я тогда не работал, был в Киеве и не мог зарабатывать денег. Но об этом хватит. Я знаю более жестокие вещи о том, как расходовались эти деньги /Русского фонда/, и меня брали зло, что не делается так, как того требовала элементарная бухгалтерия, в которой нужны были люди с чистой совестью....".

Разумеется, никто не имеет права считать рубли в чужом кармане, в том числе и у Колковской с Сахаровым. Но фонд именуется широковещательно: "Русский фонд им.Солженицына для помощи политзаключенным и их семьям". За рубежом у этого фонда даже есть свой Президент. Это уж не частная лавочка, и претензии политзаключенных вполне уместны.

Сахарова называют в радиопередачах из-за рубежа "ведущим правозащитником в Советском Союзе". Это тоже не личное дело Сахарова, и каждый вправе высказать свое мнение.

Чему так предусматривают требования демократии. Никто бы Сахаров представлял только себя и свою семью, ни Новосельцев, ни кто бы то ни было другой не могли упрекнуть его. В таком случае, всякий человек — человек. У каждого свой характер и свои недостатки.

Видимо, не случайно в период присуждения Нобелевской премии мира за 1979 год Немецкая волна из Кельна позволила себе вернуться мысленно к лауреатству Сахарова и усомниться в целесообразности тогдашнего решения Нобелевского комитета. Это было высказано в сравнении с нынешним лауреатом Нобелевской премии мира — Матильдой Терезой. Мать Тереза всецело посвятила себя делу помощи бедным, больным, голодающим. Она спасла от смерти сотни людей и надеется средства от премии потребить на ту же благородную деятельность. Для матери Терезы, действительно, любой страждущий — прежде всего, человек.

Политическая игра Сахарова дала ему возможность стать лауреатом Нобелевской премии мира, но тут он выиграл двум, чтобы потерять затем фунт. Подведем некоторые итоги.

Сахаровщину не следует рассматривать как некое случайное явление. Это закономерный интеллигентский "бунт", есть отрижение предписываемых обществом условий существования личности. Но за ней не стоит никакой силы, способной преобразовать общество, хотя она и отражает определенные тенденции социального развития. Сахаровщина представляет собой небольшую замкнутую привилегированную корпорацию, стоящую в стороне от народа.

Развитие сахаровщины в русле оппозиционного движения — процесс сложный и болезненный, следствие внутренней ее бытием и сознанием. Желание утвердить себя в качестве новых легальных оппозиционеров обернулось для некоторых сахаровцев положением, когда человек живет в едином. И ежели его, человека, как феобаку, возможно, кормить и не дразнить вторжениями в его непосредственно прилегающую, узкую "биосферу", он никогда уже не будет на опасную стезь "бунта".

Другие "борцы" остаются в оскорблённой позе, с призывом уехать за границу, как только предоставится случай. Но ранее они хотели бы завоевать некий политический капитал, чтобы впоследствии реализовать его там и обеспечить себе благополучное доживание.

Когда вопрос коснулся высылки Сахарова в г. Горький, от неустойчивого мировоззрения, заколебался. Его мнение, противоречие предыдущим, следовали одно за другим. Раньше он гордо заявлял, что никогда не расстанется с Россией и будет продолжать борьбу за Права человека. Теперь он заявляет, что устал и готов эмигрировать. Теперь он заявляет, что устал и готов эмигрировать за границу. Его высылка в Горький не идет ни в какое сравнение с тем, что пережили многие другие полит-

В г. Горьком ему приготовили четырехкомнатную квартиру, предусмотрительно обставленную. Оказался там и холодильник, а в нем даже кой-какие продукты.

Чего же в конце концов хочет Сахаров? Вряд ли он сам ответит на этот вопрос. Давно уже чувствовалось, что он выготится "борьбой" за права человека, в которую сам не верит, и совершает поступки, повинуясь инерции и гордые замечательного ученого. Но он уже испустил вопль: "Мы скопом!"

Итак, все "великие борцы", вместе взятые обнаруживают неспособность подняться до понимания современной сложной общественной структуры, экономических закономерностей и действительных путей переустройства общества. Нет, Новосельцев не против Сахарова, он против сахаровщины, как отрицательного явления внутри оппозиции.

Таким образом, можно констатировать, что 1970 год стал исторической вехой, после которой, с ростом эмиграции инакомыслящих за границу, процесс интеграции в демократической движении сменился тенденцией к расслоению и распаду, что стало еще заметнее с 1972 года. Сахаровщина в этот период рассматривалась как центр притяжения оппозиционных сил и отправляла некоторые реальные функи.

Однако уже в 1976 году сахаровщина сама стала распадаться изнутри, вследствие возникшего неравенства между инакомыслящими. Судя по всему, Сахаров не почувствовал угрозы развала, и потерю тех или иных своих соратников присыпал исключительно репрессиям со стороны властей. И если он шел в то время напролом, отставая свои амбиции, то власть, напротив, лавировала, выбирая момент для изоляции того или иного диссидента.

Постепенно Сахаров и его группа, сформированная не на идейной основе, и по принципу родства, личной дружбы и его собственного привилегированного положения, остались в гордом одиночестве, утеряв общественный ориентир. Они продолжали считать, что пока существует Сахаров - существует движение. Но одно дерево еще не лес, а один Сахаров - не оппозиция.

Так сложились условия, когда власть без особого шума расправилась сначала с провинциальными инакомыслящими, а затем приступила к нетраллизации и разгрому сахаровщины. В результате сахаровское окружение сузилось до минимума. Именно в этих условиях наметилось частичное возрождение старых принципов в государственном руководстве, что сказалось в попытках реабилитации культа Сталина. И, следует с горечью отметить, это не вызвало особого недовольства, во всяком случае открытого. Сахаровщина не нашла в себе сил для идейного противостояния, а провинция оказалась насилиственно оторвана от культурных центров. Протест ведущих писателей, художников и деятелей науки не пошел далее разговоров в семейном кружку и дружеском кругу.

Возвращение призрака, имя Сталина на страницах газет повергло некоторых чересчур впечатительных граждан в страх. Люди снова стали подозрительны друг к другу, тщательнее запираются двери и форточки в домах. Как говорится, не до жиру, быть бы живу.

Так демократическая оппозиция, или вернее то, что от нее осталось, оказалась парализована, и зловещую роль сыграла в этом сахаровщина.

В. Новосельцев.

1980 г., Москва.